В. Л. Янин
Денежно-весовые системы
домонгольской Руси
и очерки истории
денежной системы
средневекового Новгорода

Валентин Лаврентьевич Янин

Денежно-весовые системы домонгольской Руси и очерки истории денежной системы средневекового Новгорода

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=273722

Аннотация

Книга посвящена исследованию денежного обращения Древней Руси в средневековую эпоху. Первую часть издания составляет монография «Денежно-весовые системы русского средневековья», опубликованная в 1956 г. и давно ставшая библиографической редкостью. Во второй части собраны статьи, отражающие историю и процессы формирования и развития денежной системы Новгорода в X–XIV вв., а также организацию новгородского монетного чекана в XV–XVII вв.

Книга предназначена для нумизматов, историков, археологов и всех интересующихся нумизматикой.

В оформлении переплета использован клад монет новгородской чеканки первой половины XV в., найденный в Новгороде весной 2008 г. (фото С. В. Трояновского)

Содержание

От автора 4
Денежно-весовые системы домонгольской Руси 6
Предисловие 6
Глава I 8
Глава II 26
Глава III 41
Принципы датирования монетных кладов 42
Роль иноземной монеты в русском денежном обращении 50
Глава IV 56
Начало проникновения дирхема в Восточную Европу 56
Монетное обращение на территории Восточной Европы в конце VIII – первой трети IX в. 60
Конец ознакомительного фрагмента. 71

Валентин Лаврентьевич Янин Денежно-весовые системы домонгольской Руси и очерки истории денежной системы средневекового Новгорода

Памяти моего учителя в нумизматике – Ивана Георгиевича Спасского

От автора

Нумизматикой я был увлечен с детства. Собирал монеты разных стран и времен. Сочувствуя моему увлечению, мама приобрела для меня у престарелого собирателя коллекцию древнегреческих и римских монет. Еще до войны я был связан с Историческим музеем, занимаясь в школьном кружке, а сразу после войны стал постоянным посетителем отдела нумизматики, передав в него свою коллекцию. Я был очень доволен тем, что некоторые экземпляры в ней оказались лучшей сохранности, чем экземпляры отдела. Первым моим руководителем стал заведующий отделом Исторического музея Александр Александрович Сиверс, человек со сложной судьбой, которому я обязан многими жизненными уроками. В 1946 г. я поступил на Исторический факультет Московского университета, на собеседовании с тогдашним деканом Михаилом Николаевичем Тихомировым отвечая на вопрос: «почему я интересуюсь нумизматикой», сказал: «меня интересуют монеты, как источник знания о прошлом».

Выбор темы сначала курсовых, потом дипломной работы привел меня в Эрмитаж, где во время продолжительных командировок настоящим моим научным руководителем стал Иван Георгиевич Спасский. Ему я обязан очень многим, в частности – редактированием моей первой монографии «Денежно-весовые системы русского средневековья», рукопись которой была защищена в 1954 г. в качестве кандидатской диссертации.

Между тем, уже в 1947 г., после окончания первого курса, я и мои ближайшие друзья, увлеченные лекциями Артемия Владимировича Арциховского, отправились в Новгород на возглавляемые им раскопки, участие в которых я считаю своим вторым днем рождения, поскольку они определили мой дальнейший жизненный путь, связав навсегда мою судьбу со средневековым Новгородом.

Вот уже шестьдесят лет, как я не расстаюсь с историей этого великого города, изучая его институты власти, размышляя о хитросплетениях боярской борьбы и взаимоотношениях Новгорода с приглашаемыми в него князьями. Тема нумизматики постепенно отошла на задний план, а сюжеты нумизматических исследований также замкнулись на материале Новгорода, достаточно сложном и дискуссионном. Новгород с начала своего существования был тесно связан путями международной торговли с востоком и западом, откуда на его территорию поступали материалы монетного обращения. Поначалу в нем бытовали восточные дирхемы, затем их сменили западноевропейские денарии. На протяжении безмонетного периода XII—XIV вв. роль разменной монеты выполняли шиферные пряслица, а крупных единиц – слитки серебра. В XV в. началась чеканка собственной монеты.

Настоящее издание состоит из двух частей. Первую часть составляет монография «Денежно-весовые системы русского средневековья», опубликованная в 1956 г. Она давно уже стала библиографической редкостью, тем более, что ее 10-тысячный тираж, как не нашедший должного спроса, был почти полностью уничтожен издательством. На первых порах эта книга вызвала различные, порой критические оценки. Однако в недавнее время она была оценена «как классика историографии предмета».[1]

Вторая часть состоит из цикла очерков, отражающих историю денежного обращения X—XIV вв. и монетного чекана XV–XVII вв. в Новгороде. Эти очерки в свое время публиковались в разных журналах и сборниках и мало доступны современному читателю. Возможно, что собранные вместе, они помогут ему ориентироваться в достаточно сложном процессе истории средневекового денежного обращения Великого Новгорода.

Новгород, июль 2007 г.

[1] Кистерев С. Н. Русское денежное обращение в трудах В. Л. Янина. М.: Изд-во «Древлехранище», 2004. С. 6.

Денежно-весовые системы домонгольской Руси

Предисловие

Вопросы, связанные с историей древнерусских денежных систем, составляют существенную часть проблематики денежного обращения русского средневековья. Степень развития денежно-весовых систем отражает состояние денежного обращения вообще и, в первую очередь, состояние внутреннего денежного обращения. Существовала ли в домонгольское время на всей территории древней Руси единая денежно-весовая система или было несколько локальных систем, были ли эти системы заимствованы извне или они образовались в результате самостоятельного метрологического творчества восточных славян, наконец, сложились ли эти системы сразу или развивались постепенно – такие вопросы, возникающие перед исследователем денежно-весовой метрологии домонгольской Руси, в своем решении проливают свет на основные проблемы истории русской средневековой экономики.

Проблематика древнерусского денежного обращения является по существу проблематикой древнерусского товарного обращения, ибо история денежного обращения может существовать только как история товарно-денежного обращения. Поставленные выше вопросы могут быть сформулированы и иначе: преобладала ли в домонгольской Руси система общерусских экономических связей в сфере товарно-денежного обращения, или эти связи были локально замкнутыми; в какой степени внутреннее экономическое развитие Древней Руси определялось внешнеторговым фактором; насколько интенсивным было развитие внутрирусской торговли?

В нашей исторической литературе до сих пор не существует полного единства мнений по этим и многим другим, затронутым в настоящем исследовании вопросам. Случайность и неполнота письменных источников, а для VIII–X вв. фактическое их отсутствие чрезвычайно затрудняют изучение экономики Древней Руси. Археологические памятники, изучение которых широко развернулось в последние годы, в значительной степени восполняют недостаток письменных источников, но и их пока недостаточно. Различная сохранность археологических материалов, относящихся к разным районам или к разным периодам, несоизмеримость масштабов археологических работ в разных пунктах, сильнейшее отставание в изучении деревни – все эти обстоятельства дают в руки исследователя русской средневековой экономики весьма неравноценный материал.

Однако дискуссионность многих проблем древнерусской экономики определяется не только неполнотой материалов указанного выше рода. Существенным недостатком в подходе к изучению товарного обращения Древней Руси является забвение или в лучшем случае очень поверхностное использование того богатейшего материала, который по праву должен занимать основное место, – многочисленных остатков самого товарного обращения, т. е. монет и слитков, обслуживавших торговлю Древней Руси.

Значение нумизматических материалов для решения важнейших проблем истории древнерусского народного хозяйства определяется не только тем, что те или иные монеты непосредственно участвовали в товарно-денежном обращении. Монеты и клады монет особенно ценны тем, что могут наиболее правильно отразить особенности этого обращения в разные периоды и в разных районах.

Монетные клады никогда не были и не могут быть предметом специальных научных поисков. Случайно обнаруживаемые, они, тем не менее, дают основу для случайных выводов только тогда, когда рассматривается единичный клад или единичная находка. Но сравнительное изучение ряда кладов дает основу уже для методически правильных выводов,

а изучение широкой совокупности кладов позволяет восстановить картину древней экономики. При массовости находок сама случайность их обнаружения превращается в достоинство. Имея в руках сотни монетных находок из одного района и единицы из другого, или множество кладов одного периода и только единичные клады другого периода, исследователь может судить о территориальных или хронологических закономерностях обращения монеты. Случайность находок в таких случаях является отражением действительных закономерностей обращения, а их материал дает наиболее объективную картину товарно-денежного обращения древности.

Нумизматический материал чрезвычайно красноречив. Сложность монеты как объекта исследования кажется сложностью клубка, в котором переплетаются нити самых разнообразных исторических элементов. Историки и искусствоведы, метрологи и историки техники, экономисты и палеографы уже не один десяток лет успешно распутывают этот клубок, привлекая нумизматику для освещения многих темных уголков нашей исторической науки. Однако только синтез разнородных специальных достижений в работе над монетой может способствовать окончательному решению специальных вопросов в отдельности, а решение каждой даже малой проблемы при изучении монеты вызывает к жизни ряд других проблем, порою уводящих исследователя в сторону от его основной задачи, но в конечном счете способствующих правильному ее решению.

Такие отступления оказались неизбежными и в настоящей работе, тем более что дискуссионности основных проблем истории древнерусской экономики до сих пор соответствует и дискуссионность основных проблем русской нумизматики. Многоплановость настоящего исследования ни в коей мере не свидетельствует о претензиях автора на некое всеобъемлющее освещение истории русского денежного обращения домонгольского времени. Целью работы остается исследование возникновения русских денежно-весовых единиц, реконструкция денежных систем и изучение их эволюции, на основании которых строятся и исторические выводы работы.

Один из первоначальных вариантов предлагаемой читателю работы, подготовленной на материалах главным образом Государственного Исторического музея (Москва) и Государственного Эрмитажа (Ленинград), был защищен автором в качестве кандидатской диссертации на историческом факультете МГУ[2]. Частичные результаты ее были опубликованы в печати[3].

Считаю своим приятным долгом выразить искреннюю благодарность за помощь в работе А. В. Арциховскому, А. А. Быкову, И. Г. Спасскому, Л. В. Черепнину, С. А. Яниной. Автор многим обязан также А. А. Сиверсу, скончавшемуся 24 сентября 1954 г.

[2] Янин В. Л. Денежно-весовые системы домонгольской Руси: Автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 1954.

[3] Янин В. Л. Нумизматика и проблемы товарно-денежного обращения в Древней Руси // Вопросы истории. № 8. 1955. С. 135–142.

Глава I
История вопроса, источники и методы исследования

Как ни справедливы жалобы наших нумизматов на чрезвычайное… безмолвие наших первых металлических монет… тем не менее однако ж должно допустить, что только по ним можно сколько-нибудь безошибочно судить о их тогдашнем значении.
М. П. Заблоцкий, 1854 г.

В любой денежно-весовой системе различают два обязательных элемента: ее скелет – систему денежного счета – и величину денежно-весовых единиц. Соотношение последних между собой и их отношение к основной единице по системе денежного счета и есть то, что кратко называют денежно-весовой системой.

Одной из самых характерных особенностей денежных единиц на ранних ступенях их развития является совпадение их с принятыми в практике обмена весовыми единицами. Это совпадение, неоднократно привлекавшее внимание К. Маркса, до наших дней проявляется в совпадении денежной и весовой терминологии многих стран. Английский фунт, немецкая марка, русский гривенник и старый французский ливр – все эти пережиточные названия напоминают о былом единстве весовых и денежных единиц.

Это единство возникло сразу же с изобретением металлических денег. К. Маркс писал: «…количества золота, как таковые, измеряются по весу. Масштаб имеется, стало быть, уже в готовом виде в общих мерах веса металлов; поэтому эти меры веса при всяком металлическом обращении первоначально служат также масштабом цен»[4]. Сделавшись единственным критерием оценки обращающегося в качестве денег металла, меры веса с этого момента приобрели и наиболее широкое распространение. До изобретения металлических денег они могли употребляться только спорадически: трудно представить себе необходимость точного взвешивания металлов, ставших товаром, но еще не превратившихся в деньги, если при обмене им противостояли такие товаро-деньги, как скот или шкуры, бусы или раковины каури.

Однако и с распространением взвешивания после появления металлических денег сфера его применения остается все же весьма ограниченной: взвешиваются в основном сами металлические деньги. Знакомство с терминологией русских письменных памятников даже сравнительно позднего времени (XIV–XV вв.) показывает, что мелкие весовые единицы в Древней Руси употреблялись исключительно для взвешивания ценных металлов и лишь в редких случаях – особо дорогих товаров («гривенка перцю», «гривенка зелья»). При оценке других предметов потребления, измеряемых теперь весовым масштабом, пользовались иными приемами, продавая и покупая мясо полтями, лопатками, сено – возами, зерно – осминками, четвертями, кадями, хлеб и птицу – штуками и т. д.[5] Крупное взвешивание в известной мере применялось особенно в хлебной торговле. На его существование указывают, в частности, находки безменов и больших гирь и упоминания крупных единиц взвешивания в источниках; однако и здесь мера сыпучих тел употреблялась гораздо чаще и была привычнее. Мелкими же весами пользовались только для взвешивания ценностей. Лекари и знахари, прибегавшие к ним, в расчет, конечно, не могут быть приняты.

Причина распространения взвешивания и появления денежно-весовых единиц одна и та же – потребность товарного обращения в правильной организации обмена. К вопросу о

[4] Маркс К. К критике политической экономии. М.: Госполитиздат, 1949. С. 60.

[5] Ср.: Неклюдов В. М. О русских денежных слитках // Тр. Отд. нумизматики Гос. Эрмитажа. Т. I. Л., 1945. С. 127.

времени возникновения и распространения весовых единиц и следует подходить с точки зрения истории этого обмена.

В 1949 г. в Ученом совете экономического факультета ЛГУ П. Г. Заостровцевым была защищена кандидатская диссертация, в которой особенно четко сформулирована концепция обязательной независимости происхождения весовых единиц. Автор диссертации признает чрезвычайно вредными всякие попытки искать происхождение русских весовых единиц за пределами восточнославянских земель[6]. Общий уровень развития восточного славянства, по его мнению, был достаточно высоким для создания оригинальных весовых единиц задолго до того момента, когда славянство пришло в тесное торговое взаимодействие со своими далекими и близкими соседями. Не отмечая, какие именно единицы он имеет в виду, П. Г. Заостровцев пытается указать путь, по которому должно идти исследование русской весовой метрологии. Но сам по себе высокий уровень развития того или иного общества не может служить основой для возникновения весовых мер; поэтому к концепции П. Г. Заостровцева следует отнестись с осторожностью.

К. Маркс в своем анализе истории возникновения обмена отмечал: «В действительности процесс обмена товаров возникает первоначально не в недрах первобытных общин, но там, где они кончаются, на их границах, в тех немногих пунктах, где они соприкасаются с другими общинами… Поэтому особенные потребительные стоимости, которые в меновой торговле между различными общинами становятся товарами, например рабы, скот, металлы, чаще всего образуют первые деньги внутри самой общины»[7]. Приведенное положение Маркса в равной степени относится и к способам измерения тех товаров, которые в результате первоначального участия во внешней торговле продолжают свое обращение и во внутреннем обмене того или иного общества. Это тем очевиднее, когда ввозимый товар становится и средством внутреннего денежного обращения.

Поскольку речь идет о мерах веса, решить вопрос о времени их возникновения у восточных славян и о характере их происхождения возможно только на фоне истории торговли металлами в Восточной Европе.

Обширные области древнего расселения восточных славян были полностью лишены большинства основных видов ископаемого металлического сырья. Добычей и обработкой местного сырья удовлетворялась лишь потребность восточных славян в железе. Последнее в виде болотных руд распространено на территории Восточной Европы почти повсеместно[8]. Русским кузнецам для получения железа не нужно было совершать путешествия за пределы своей округи. Местными рудами удовлетворялись полностью потребности русской экономики вплоть до позднего времени, а простота кричного процесса не требовала узкой специализации металлургов. Все эти обстоятельства привели к тому, что обмен железом не практиковался в Древней Руси до тех пор, пока городское металлообрабатывающее ремесло не отделилось от железоделательного, а деревня как центр последнего не связалась узами широкого товарного обмена с городом[9]. Потребности во взвешивании собственного металла, следовательно, не могло существовать в Древней Руси до этого времени, да и впоследствии она не возникла в сколько-нибудь заметной степени в силу дешевизны железа, измерявшегося при помощи штучного счета – крицами, прутьями и сугребами.

Все остальные металлы, употреблявшиеся в средневековой Руси, появились в Восточной Европе в результате ввоза из-за славянских рубежей. Этим обстоятельством принци-

---

[6] Заостровцев П. Г. Из истории денег и денежного обращения в России до XV в.: Автореф. дис. … канд. экон. наук. Л., 1949 (ЛГУ).

[7] Маркс К. К критике политической экономии. С. 38.

[8] Рыбаков Б. А. Ремесло древней Руси. М., 1948. С. 38.

[9] Колчин Б. А. Обработка железа в Московском государстве в XVI в. // Матлы и исслед. по археол. СССР. № 12. М.; Л., 1949. С. 192.

пиально решается вопрос о характере происхождения русских весовых мер. Поскольку металлы ввозились, они должны были оцениваться уже на рубежах славянского мира, в тех пунктах, где встречались контрагенты международной торговли. Только те единицы, которые применялись в этих пунктах, могли стать и внутренними славянскими единицами измерения ввезенных металлов. До того как металл был ввезен, потребность в весовой единице еще не могла возникнуть; после того как он был ввезен, необходимости в изобретении собственной единицы, отличной от той, которая употреблялась при внешнем обмене, уже не было.

Впервые восточное славянство сталкивается с массовым ввозом металла в первых веках нашей эры, в эпоху тесного взаимодействия с римским миром. Основным ввозимым металлом во II и III вв. было серебро в виде римской монеты, распространившейся на значительные территории Поднестровья и Поднепровья. Она отложилась в этих районах в сотнях больших и малых кладов и в громадном количестве отдельных монетных находок. В течение четырех веков поглощался ремеслом и накоплением этот гигантский ввоз, который осуществлялся фактически только два столетия.

Прекращение ввоза римского серебра в III в. н. э. надолго лишило Восточную Европу возможности восполнять запас этого металла. Только спустя пять столетий, в конце VIII в., открылся новый источник его поступления, и действие его не прекращалось до самого начала XI в. Этим источником была восточная торговля славян, в которой в качестве основного ввозимого продукта снова фигурирует серебро и снова в виде монеты – куфического дирхема, а в конце VIII – начале IX в. также и в виде драхм сасанидского типа. После того как иссяк и этот источник, массовый ввоз серебра осуществляется уже через северо-западные рубежи русских земель; в течение всего XI в. на Русь поступает западноевропейский денарий.

Только названные три источника поступления серебра являются основными за все время существования восточного славянства вплоть до XIV в. В литературе принято среди основных поставщиков серебра на Русь называть также Византию и Чехию. О роли византийского серебра в прошлом писалось немало, однако это не подтверждается вещественными источниками. Византийский милиарисий сравнительно очень слабо участвовал в русском обращении: в кладах X–XI вв. на одну византийскую монету приходятся многие тысячи куфических и западноевропейских монет.

Что касается Чехии, то об ее роли принято судить только по известным словам Святослава, сказанным перед Дунайским походом: «Не любо ми есть в Киеве быти, хочю жити в Переяславци на Дунаи, яко то есть середа земли моей, яко ту вся благая сходятся: от Грек злато, паволоки, вина и овощеве разноличныя, из Чех же, из Угорь сребро и комони, из Руси же скора и воск, мед и челядь»[10]. Однако ввоз серебра из Чехии археологически не прослеживается совершенно, да и приведенные слова свидетельствуют скорее не о существовании такого ввоза, а как раз об его отсутствии. Святославу именно потому «не любо в Киеве быти», что там «вся благая» не сходятся. Чехия и Венгрия могли быть источником серебра для дунайской Болгарии, но не для Киевской Руси.

Однако само упоминание серебра в списке тех товаров, ввоз которых Святославу кажется наиболее желательным, достаточно показательно. Серебро в Восточной Европе было более важной статьей импорта, нежели любой другой металл. Постоянный спрос на его поддерживался как нуждами денежного обращения, так и потребностями ремесленного производства. Заинтересованность восточных славян в серебре для времени восточной торговли хорошо отражена современниками. «У них нет денег. (Чеканенной монеты своей нет

[10] ПСРЛ. Т. I. Вып. I. Л., 1926. С. 67, под 6477 г. См.: Рыбаков Б. А. Указ. соч. С. 143; Романов Б. А. Деньги и денежное обращение // История культуры древней Руси. Т. I. М.; Л., 1948. С. 392.

у них)… – писал в первой половине X в. Ибн-Русте. – И право же, белые, круглые диргемы привозятся из областей ислама и они их покупают (приходят к ним… путем мены за их товары)»[11]. «И вот я желаю, – обращается к идолу русс, по словам Ибн-Фадлана, – чтобы ты пожаловал мне купца с многочисленными динарами и дирхемами и чтобы (он) купил у меня, как я пожелаю, и не прекословил бы мне в том, что я скажу»[12]. Еще определеннее сообщение ал-Гардизи: «Они (купцы. – В. Я.) те дирхемы отдают руссам и славянам, так как те люди не продают товара иначе, как за чеканенные дирхемы»[13].

Трудно сказать, какое место в древнерусском импорте занимало серебро; оно выгодно отличается от других товаров своей сохраняемостью, чего нельзя сказать о таких предметах ввоза, как ткани и краски, фрукты, пряности, вина и благовония. Однако можно с полной уверенностью утверждать, что приток серебра в Русь был поистине гигантским. Перемещение масс серебра с Востока и Запада в IX–XI вв. на территорию Руси имело следствием, в частности, то, что куфическая нумизматика, так же как и нумизматика Англии и Германии XI в., гораздо полнее представлена в музеях СССР, чем на родине этих монет[14].

К настоящему времени на территории Восточной Европы зафиксировано свыше 400 кладов и отдельных находок куфических монет[15] и около 150 кладов и отдельных находок западноевропейских денариев[16], не говоря уже о более ранних кладах римских монет[17]. Сумма этих находок во много раз превосходит количество находок изделий из любого другого металла, ввозившегося в Древнюю Русь. Однако приведенные цифры в самой незначительной степени могут характеризовать размеры действительного ввоза серебра в Восточную Европу. Регистрация находок монетных кладов началась поздно и никогда не велась с исчерпывающей систематичностью. Известные находки составляют ничтожную часть кладов, остающихся в земле, и находок не учтенных. Значительная доля монет была уничтожена еще в древности. Участвуя в сфере денежного обращения и в сфере ремесленного производства, серебро постоянно проделывало своеобразный кругооборот из одной сферы в другую. Хорошей иллюстрацией этому служит Полоцкий клад 1910 г., состоявший из монет целых и в обломках, обрезков денежных слитков вместе с целыми и массы выделанных из них заготовок серебряных браслетов (клад по монетам датируется серединой XI в.)[18]. Иной иллюстрацией может служить сообщение Ипатьевской летописи под 1288 г. о том, как князь Владимир Василькович Волынский «блюда великаа сребрянаа и кубькы золотые и серебряные сам перед своима очима поби и полья в гривны»[19].

Основным сырьем для литья денежных слитков XI–XV вв. были те же восточные и западные монеты VIII–XI вв., а сами слитки в значительной степени послужили материа-

---

[11] Ковалевский А. П. Чуваши и булгары по данным Ахмеда ибн-Фадлана. Чебоксары, 1954. С. 46. Несколько отличается перевод Д. А. Хвольсона в его книге «Известия о хозарах, буртасах, болгарах, мадьярах, славянах и руссах Абу-Али Ахмеда бен Омар Ибн-Даста и т. д.». СПб., 1869. С. 24–25 (позже чтение имени автора этих известий было уточнено как Ибн-Русте. – В. Я.). Отличия перевода Хвольсона отмечены в скобках.

[12] Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу. М.; Л., 1939. С. 79–80.

[13] Бартольд В. В. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научною целью в 1893–1894 гг. // Зап. имп. АН. VIII сер. По ист. – фил. отд. Т. I. № 4. СПб., 1897. С. 121.

[14] Bauer N. Die russischen Funde abendl?ndischer M?nzen des 11. und 12. Jahrhunderts. Zeitschrift f?r Numismatik (Berlin). Bd. 39 (1929) u. 40 (1930). Автореферат. Проблемы истории докапиталистических обществ. 1933. № 9—10. С. 235.

[15] См. основные сводки находок куфических монет: Марков А. К. Топография кладов восточных монет (сасанидских и куфических). СПб., 1910; Фасмер Р. Р. Список монетных находок, зарегистрированных Секцией нумизматики и глиптики и т. д. // Сообщ. ГАИМК. Т. I. Л., 1926; Он же. Список монетных находок (II) // Там же. Т. II. Л., 1929.

[16] Bauer N. Die russischen Funde abendl?ndischer M?nzen des 11. und 12. Jahrhunderts.

[17] Кропоткин В. В. Клады римских монет в Восточной Европе // ВДИ. № 4. 1951; Он же. Топография римских и ранневизантийских монет на территории СССР // ВДИ. № 3. 1954.

[18] Корзухина Г. Ф. Русские клады IX–XIII вв. М.; Л., 1954. С. 97. № 48.

[19] Летопись по Ипатьевскому (Ипатскому) списку. СПб., 1871. С. 601.

лом не только для русской серебряной чеканки XIV и XV вв., но и для чеканки восточноевропейских городов Золотой Орды, куда они в громадном количестве попадали в качестве «ордынского выхода». Позднее русские монеты XIV–XV вв. в результате реформы Елены Глинской 1533 г. были перечеканены в монеты Грозного. И нет сомнения в том, что какая-то часть серебра, ввезенного в Восточную Европу еще в IX–XI вв., содержится и в современной утвари и украшениях.

Все сказанное выше до известной степени характеризует действительные размеры обращения серебра в домонгольской Руси. Сказка Масуди о том, что «русские владеют большим количеством серебряных рудников, которые можно сравнить с рудниками в горах Лахеджира в Хоросане»[20], наполняется благодаря этому реальным содержанием, приобретая иносказательный смысл.

Ввоз серебра в Восточную Европу осуществлялся почти исключительно в виде серебряной монеты. Разумеется, какое-то количество серебра приходило и в виде утвари. В связи с этим уместно напомнить свидетельство известного Смоленского договора 1229 г. с Немецким берегом, составленного уже в те времена, когда всякий ввоз серебряной монеты на Русь прекратился полностью: «Или который Немчичь купить съсуд серебрьныи, дати ему от гривны куна весцю. Или продасть, не дати ему ни векше»[21]. Однако импорт серебра в каких-либо иных формах, нежели монетная, был очень слабым.

Археологи знают, что временем расцвета массового производства серебряных украшений на Руси были X и XI вв. В это время серебряные украшения постоянно входят в убор даже простых горожанок и крестьянок. Как будет показано ниже, именно начало X в. является временем, когда имел место наиболее усиленный ввоз в Восточную Европу серебряной монеты. В XII в. изготовление серебряных украшений вырождается в производство дешевых биллоновых поделок, а ювелирная обработка серебра, достигающая в это время виртуозности, ограничивается лишь изготовлением дорогих предметов боярского убора. Этот заметный рубеж в развитии ремесла является рубежом и во ввозе серебряных монет, который полностью прекращается к концу XI в.

Итак, серебро для древней Руси основной ввозимый металл и основной взвешиваемый металл, а монета – основная форма ввозимого серебра. Есть достаточно оснований предполагать, что нормы измерения ввозимого металла были в то же время нормами измерения ввозимой монеты. Поэтому исследование происхождения и развития древнерусских весовых мер не может не начинаться с исследования весовых особенностей притекавших на Русь и бытовавших в ней в громадных количествах иноземных монет.

Обращение в Восточной Европе значительных масс серебра не вызывало сомнений с момента открытия первых русских денежных слитков. Тогда же началось и их метрологическое исследование, породившее целый ряд различных концепций. Большинству исследований «русского веса», созданных в прошлом веке, свойственно одно и то же представление, что формы серебряного обращения Древней Руси исчерпывались обращением слитков и в меньшей степени монет собственной чеканки. Русские денежные системы! – само это понятие, казалось, должно охватывать явления исключительно русского происхождения. Бытование иноземных монет на территории Восточной Европы рядом исследователей XIX в. рассматривалось как свидетельство тех или иных торговых связей Древней Руси, и сами иноземные монеты представлялись чисто международными деньгами, которым во внутреннем русском обращении противостояли деньги иного характера – так называемые «куны».

Система кун, засвидетельствованная Русской Правдой, летописями и рядом актов, просуществовала в Древней Руси вплоть до введения в XIV–XV вв. монетной чеканки в Низов-

[20] История Татарии в документах и материалах. М., 1937. С. 19.

[21] Русско-Ливонские акты, собранные К. Е. Напьерским. Т. I. СПб., 1868. С. 435, 437. № 26, Е.

ских землях, Новгороде и Пскове, а в виде пережитка сохранялась и в более позднее время. Письменные памятники хорошо знают ее на всем протяжении XII–XIV вв., т. е. в тот период, когда монетного обращения на территории Восточной Европы уже заведомо не существовало. Следовательно, по крайней мере в течение двух с половиной веков термин «куны» применялся не к монетам, а к каким-то иным видам денег. Этого было достаточно для того, чтобы утверждать, что и в предшествующее время, когда на Руси в большом количестве бытовали сначала дирхем, а затем денарий, термин «куны» не имел ничего общего с монетой, а сама монета, таким образом, не играла особой роли во внутреннем обращении восточных славян.

Откроем ли мы сочинения Н. М. Карамзина[22] или И. П. Бекетова[23], С. И. Шодуара[24] или Н. И. Ланге[25], обращавшихся к русским денежным системам, – всем им присущ в одинаковой степени взгляд, четко изложенный В. Н. Лешковым: «Золото и серебро во время Правды, конечно, еще не имели формы монет, или собственно денег, и служили мерою цены, по одному своему количеству, весу. От того являются эти деньги только в форме и под названием гривен, или полуфунтов; от того служат они только мерою цены, с полною внутреннею, соответствующей названию, ценностию, а не одним знаком цены, или простым орудием мены и торга. Собственно деньги ходячие времен Правды состояли в так называемых кунах, ногатах, мордкахи т. д., которые были знаками цены, а именно известного количества золота и серебра, удобным средством передачи и передвижения ценностей, вообще орудием мены и торга»[26].

Монеты, таким образом, заменялись «кунами». Материальная природа такой куны объяснялась с большой легкостью этимологическим путем. Куна, куница – название пушного зверька; еще одна единица кунной системы – веверица, или векша, называется именем другого пушного зверька – белки. Установив на этих примерах связь денег с меховыми ценностями, уже очень легко посчитать резану разрезанным мехом, ногату – мехом, сохранившим лапки, а гривну – оплечьем из меха горностаев или белок[27] и признать возможность одновременного обращения разного рода лоскутов меха, вплоть до «ушек».

Существование в Древней Руси всеобщей системы меховых денег было для многих историков и даже нумизматов прошлого века непреложным фактом, тем более что подтверждением ему явились сообщения иностранцев, писавших о России и видевших меховые деньги собственными глазами.

Непосредственным развитием «меховой» теории русских денег явилась уже в конце XVIII в. теория кожаных ассигнаций. Если «меховая» теория основывалась на этимологических особенностях русской денежной терминологии и на показаниях современников обращения мехов, то «кожаная» теория имела и более «достоверные» доказательства: обращение кожаных жеребьев было запрещено указом Петра I, их видел своими глазами Н. М. Карамзин. То, что в указе Петра идет речь не о древнерусских явлениях, а о событиях конца XVII в. и что сохранившиеся «кожаные деньги» не имели на себе никаких достоверных следов древности, – не смущало. Теория русских кожаных ассигнаций, поборником которой был и цити-

---

[22] Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. I. С. 256,сл. (1 изд.).

[23] Бекетов И. П. Краткое обозрение древних ходячих монет, под названием кун, бывших в употреблении в России // Труды и летописи ОИДР. Ч. VI. М., 1833.

[24] Шодуар С. И. Обозрение русских денег и иностранных монет, употреблявшихся в России с древних времен. Ч. I. СПб., 1837.

[25] Ланге Н. И. Исследование об уголовном праве Русской Правды. Без выходных данных (1861 г.). Печаталось частями, с самостоятельной пагинацией, в виде приложений к кн. 1, 3, 5 и 6 «Архива исторических и практических сведений, относящихся до России, 1859 г., издаваемого Н. Калачевым», СПб., 1859–1861.

[26] Лешков В. Н. Русский народ и государство. История русского общественного права до XVIII века. М., 1858. С. 175.

[27] См.: Усов С. А. Заметка о древних русских деньгах по Русской Правде // Древности. Т. IX. Вып. II, III. М., 1883. С. 96, 99—100.

рованный В. Н. Лешков, быстро вышла на страницы русской и западноевропейской историко-экономической литературы.

В XIX в. в нумизматический оборот были введены кожаные подделки таких «ассигнаций», вводившие в заблуждение русскую историческую науку на протяжении более ста лет. Тогда же существование системы «кожаных денег» было «подтверждено» ссылками на сообщение Ахмеда Тусского об обращении у русских в XII в. «шкур без волос». Недавно И. Г. Спасскому удалось серьезно поколебать доверие к большинству дошедших до нас кожаных жеребьев, указав на изготовление их известным фальсификатором XIX в. Сулакадзевым[28], и уточнить чтение места об обращении шкур у Ахмеда Тусского.

В этом сообщении в действительности не говорится о «шкурах без волос», а трактуется вопрос о подделывании мехов[29].

Если обращение кожаных денег не подтверждается ранними источниками, то обращение мехов зафиксировано весьма основательно. К X в. относится приведенное выше (стр. 18) свидетельство Ибн-Русте; в XII в. об обращении меховых денег писали Низами[30] и Ахмед Тусский[31], а в 1253 г. о том же сообщил Рубруквис[32]. В 1412–1414 гг. о меховых деньгах новгородцев писал Жильбер де Ланноа, уже как о частях шкурок[33], а в XVI в. о том же как о явлении, имевшем некогда место в Древней Руси, – Герберштейн[34]. Подтверждения свидетельствам о меховых деньгах содержатся и в некоторых русских художественных памятниках. Известна икона XV или XVI в. с изображением новгородского архиепископа Иоанна-Илии, передающая сюжет второй половины XII в. и изображающая ногаты в виде звериных шкурок[35]. Неоднократно в литературе анализировались также изображения знаменитых летописных миниатюр XVI в. к тексту о денежных реформах XV в. в Новгороде и Пскове, на которых обмен кун на артуги изображается в виде обмена шкурок на монету[36].

Существование мехового обращения и видимая связь его с куной системой постоянно заставляли сторонников всеобщих русских меховых денег различать в древнерусском денежном обращении два круга денежных единиц: серебряные единицы (слитки, «гривны серебра») и меховые единицы (последние, как уже отмечено, зачастую произвольно заменялись кожаными). Вполне понятно, что и метрологическим источником для решения проблемы происхождения и развития русских весовых единиц при таком освещении вопроса могли служить только денежные единицы первого круга – слитки. Меховые единицы могли иметь только теоретический «вес» – как отношение к цене имеющих вес слитков, что нисколько не способствует расширению круга метрологических источников.

Между тем из года в год нумизматика собирала громадный материал, свидетельствовавший о том, что в Древней Руси в значительных количествах имелась серебряная иноземная монета. Пока этот материал был не обобщен, пока знания о хронологии бытования на Руси иноземной монеты не были приведены в систему, сами факты частых находок кладов с восточными и западными монетами делали свое дело.

---

[28] Спасский И. Г. Очерки по истории русской нумизматики // Нумизмат. сб. Вып. I. М., 1955. С. 101–108.

[29] Спасский И. Г. Из истории древнерусского товароведения // Кратк. сообщ. ИИМК АН СССР. Вып. 62. М., 1956.

[30] См.: Неклюдов В. М. Указ. соч. С. 124.

[31] Спасский И. Г. Из истории древнерусского товароведения.

[32] Вильгельм де Рубрук. Путешествие в восточные страны / Пер. А. И. Малеина. СПб., 1910. С. 135.

[33] Марков А. К. Русская нумизматика. Конспект лекций. СПб., 1905. С. 12.

[34] Там же (сообщение Герберштейна повторяет Гваньини).

[35] Гусев П. Л. Икона св. Иоанна (Илии) Архиепископа в деяниях и чудесах // Вести, археол. и ист., изд. СПб. археол. ин-том. Вып. XV. СПб., 1903. С. 39, сл., 74, 75, рис. 23; ТрутовскийВ. К. Новые первоисточники для истории ценностей допетровской России – художественные // Ин-т археол. и искусствозн. РАНИОН. Тр. отд. археол. I. М., 1926.

[36] Трутовский В. К. Русские меховые ценности и техника чеканки монет на миниатюрах XVI века // Нумизмат. сб. Т. I. М., 1911; Арциховский А. В. Древнерусские миниатюры как исторический источник. М., 1944. С. 98, сл.

Параллельно с развитием теории всеобщих меховых денег значительным кругом исследователей разрабатывалась теория всеобщих же металлических денег Древней Руси. В трудах Г. Успенского[37], М. Т. Каченовского[38], И. Д. Беляева[39], П. С. Казанского[40], М. П. Погодина[41] и других авторов вопрос о характере денежного обращения Древней Руси решается с такой же прямолинейностью, с какой он решался в исследованиях ортодоксальных последователей меховой теории. Как те, так и другие не ставили вопроса о хронологии металлического или мехового обращения, а решали проблему в целом. Если для «меховистов» не существовало металлических денег вообще (кроме, конечно, слитков), то для сторонников металлической теории точно так же вообще не существовало меховых денег. При этом «металлисты» стремились сомкнуть обращение монет раннего времени с собственными удельными русскими монетами, заполняя хронологический пробел между ними ссылками на «несохранившиеся» материалы и выдуманной или поддельной монетой Ивана Калиты, Даниила Александровича и других князей, которые в действительности еще не чеканили монету.

Стремление отыскать материал для заполнения всех хронологических лакун монетного обращения остро проявилось и в спорах о датировке древнейших монет Владимира и Святополка, не утративших свою остроту и в наше время.

Отмеченная тенденция, существовавшая в нумизматических исследованиях прошлого века, вполне понятна и закономерна. Однако вряд ли ее можно назвать полезной. Она постоянно приводила к сильнейшему произволу в датировках нумизматических памятников, действительно обращавшихся на Руси, к преувеличению малозначительных фактов и к преуменьшению роли значительных групп памятников. Проявилась она и в первом большом исследовании монетного веса Древней Руси, принадлежащем перу Д. И. Прозоровского[42]. Д. И. Прозоровский был последовательным сторонником теории металлических денег. Он хорошо сознавал, что иноземная монета, оказавшаяся на территории Древней Руси, начинала здесь жить своей второй жизнью и что поэтому и изучение денежно-весовых систем русской древности лежит на пути исследования весовых особенностей таких иноземных монет. Однако в освещении закономерностей древнего монетного обращения он оказался нумизматически беспомощным, совершенно не понял значения восточной монеты в русском денежном обращении и, следуя Ф. И. Кругу, наивно веровал в существование сильнейшего воздействия на русскую систему византийского солида. Д. И. Прозоровский ни словом не обмолвился о трудах Х. Д. Френа и П. С. Савельева, открывших целый мир «мухаммеданской нумизматики в отношении к русской истории». Громадный материал восточных дирхемов и западноевропейских денариев остался вне его исследования.

Крупнейшей заслугой историков прошлого века в деле разработки проблем русской денежной метрологии было окончательное выяснение системы древнерусского денежного счета. Трудами многих исследователей, среди которых в первую очередь должны быть названы П. С. Казанский[43] и П. Н. Мрочек-Дроздовский[44], куны, ногаты, резаны были приведены в закономерное отношение к гривне и между собой. Строение скелета денежных

---

[37] Успенский Г. Опыт повествования о древностях русских. Ч. I. Харьков, 1818. С. 664, сл.

[38] Каченовский М. Т. Два рассуждения о кожаных деньгах и о Русской Правде. М., 1849.

[39] Беляев И. Д. Очерк истории древней монетной системы на Руси // Чтения в Имп. о-ве Ист. и Древн. Российских. № 3. М., 1846; Он же. Били ли на Руси монету до XIV столетия? // Зап. имп. АО. Т. V. СПб., 1853.

[40] Казанский П. С. Исследования о древней русской монетной системе в XI, XII и XIII веке // Зап. имп. АО. Т. III. СПб., 1851.

[41] Погодин М. П. Исследования, замечания и лекции о Русской истории. Т. VII. М., 1856. С. 322–364.

[42] Прозоровский Д. И. Монета и вес в России до конца XVIII столетия. СПб., 1865.

[43] Казанский П. С. Исследования о древней русской монетной системе// Зап. имп. АО. Т. III. СПб., 1853.

[44] Мрочек-Дроздовский П. Опыт исследования источников по вопросу о деньгах Русской Правды. М, 1882.

систем было выяснено. Оставалось нарастить на этот скелет тело фактического материала, приведя данные веса различных монетных групп в соотношение с системой денежного счета. Если Прозоровский еще не мог правильно определить эти группы, то к концу XIX в. вопрос о хронологии монетного обращения Древней Руси стал значительно яснее.

А. В. Орешников окончательно обосновал общую дату возобновления монетной чеканки в XIV в. и доказал, что ранее времени Дмитрия Донского великие и удельные князья монету не чеканили[45]. И. И. Толстым монеты Владимира и Святополка были привязаны к рубежу X–XI вв.[46] Благодаря исследованиям В. Г. Тизенгаузена утвердился вывод о прекращении ввоза арабских монет на Русь в начале XI в.[47] Новые материалы не опровергали обоснованное Б. Кене еще в 1850 г. утверждение о том, что западноевропейские денарии позднее XII в. на территорию Восточной Европы не приходили. Монетный материал русского обращения постепенно приводился в хронологическую систему; преобладающие в том или ином периоде монеты становились на свои места. Рос нумизматический материал, но вместе с тем все яснее становился обширный безмонетный период, существование которого долго не постигалось сторонниками всеобщего металлического обращения.

В 1901 г. было опубликовано большое метрологическое исследование А. И. Черепнина[48]. В нем было вполне четко сформулировано мнение о первостепенной важности восточных монет VIII–XI вв. для развития русского денежного обращения. Эту мысль А. И. Черепнин развивал и пропагандировал в ряде статей[49]. Особое внимание он обратил на встречаемые в кладах обломки монет, в которых он хотел видеть разные номиналы системы, находящиеся во взаимной метрологической связи и соответствующие 1/3, 1/4, 1/8, 1/12, 1/24 и даже 1/40 дирхема[50]. Однако выводы из его скрупулезно точных взвешиваний обломков не внушают доверия. Располагая весьма немногочисленным материалом для взвешивания, А. И. Черепнин не сумел, да и не мог привести результаты своего исследования в связь с системой денежного счета. Куны, ногаты, резаны и веверицы остались такими же загадочными величинами, как и прежде.

А. И. Черепнин прекрасно сознавал сам незавершенность своей работы и общие выводы, сделанные на ее основе, превратил в очень обоснованную программу метрологического исследования древнерусских денежно-весовых систем. Насколько верно он представлял себе последовательность дальнейшей работы, видно из содержания первых двух пунктов его программы: «1) Составить подробную топографию денежных кладов и единичных монет, открытых в Европейской России, с точным описанием состава их; 2) Выяснить насколько окажется возможным, какого вида монеты преобладают в кладах той или другой местности в известный период времени»[51].

Большой заслугой А. И. Черепнина было также то, что он по существу первый из русских нумизматов привлек к исследованию древние весовые гирьки, в которых совершенно справедливо видел орудия для взвешивания ценностей и в первую очередь монет[52].

---

[45] Орешников А. В. Русские монеты до 1547 г. // Российский исторический музей. Описание памятников. Вып. I. М., 1896.

[46] Толстой И. И. Древнейшие русские монеты великого княжества Киевского. СПб., 1882; Он же. Древнейшие русские монеты X–XI вв. // Зап. РАО. Т. VI (нов. сер.). СПб., 1893.

[47] Тизенгаузен В. Г. О саманидских монетах // Зап. имп. АО. Т. VI. СПб., 1853; Он же. Монеты Восточного Халифата. СПб., 1873.

[48] ЧерепнинА. И. О гривенной денежной системе по древним кладам // Тр. МНО. Т. II. М., 1901.

[49] Черепнин А. И. Значение кладов с куфическими монетами, найденных в Тульской и Рязанской губерниях. Рязань, 1892 (Прил. к Тр. Рязан. Уч. архивн. комисс. за 1891 г.); Он же. Коростовский клад. Рязань, 1892 (Прил. к Тр. Рязан. Уч. архивн. комиссии за 1892 г.).

[50] Черепнин А. И. Коростовский клад. С. 5.

[51] Черепнин А. И. О гривенной денежной системе… С. 215.

[52] Черепнин А. И. Древние рязанские гирьки // Тр. Рязанской Уч. архивн. комисс. Т. VII. Рязань, 1892. № 6. С. 106–

Если исследования А. И. Черепнина характеризуют его как чрезвычайно добросовестного исследователя, в методе работы которого нашли отражение принципы научного историзма, то эта характеристика вряд ли применима к труду И. И. Кауфмана, опубликованному через шесть лет после работы А. И. Черепнина[53].

Состояние материала за прошедшие шесть лет не улучшилось. А. К. Марков еще работал над своей топографией восточных монет, а к приведению в порядок топографических сведений по другим обращавшимся в свое время на Руси монетам еще никто не приступал. Сводка кладов денариев, составленная за полвека до того Кене, уже была безнадежно устаревшей. Однако И. И. Кауфман счел возможным приступить к общему исследованию происхождения русского веса. Для этого ему потребовалось немного: сам факт бытования на Руси дирхема, почерпнутые из литературы сведения о весе нескольких десятков омейядских и аббасидских монет да результаты исследования Кэйпо о халифской монетной стопе. Приняв данные Кэйпо, Совера и Декурдеманша о том, что в основе чеканки Халифата лежал ратль весом около 409 г и что из него чеканилось 144 дирхема, И. И. Кауфман обратил внимание на то, что и русский фунт близок 409 г. Сопоставив это совпадение с фактом бытования дирхема в Восточной Европе, И. И. Кауфман сделал свой основной вывод о том, что фунт был заимствован в VIII в. восточными славянами у арабов вместе с дирхемом.

Казалось бы, этот вывод следовало проверить и подтвердить на вещественном материале, который в то время составлял большие коллекции. Отождествив иракский ратль и древнерусскую гривну, Кауфман должен был бы обсудить, чем же были куны, ногаты и резаны, входившие в систему гривны, и чем был сам дирхем по отношению к этим основным, реально существовавшим единицам. Однако И. И. Кауфман даже не поставил вопрос о соотношении гривны-ратля с гривной кун, которая, между тем, была более древней, нежели гривна серебра. Таким образом, он попросту перенес на русскую почву арабскую денежно-весовую систему, не касаясь происхождения оригинальной системы русского счета, которая практически постоянно употреблялась при денежных расчетах восточных славян.

Высказывая мнение о заимствовании иракского ратля вместе с дирхемом, И. И. Кауфман не привел ни одного факта, который свидетельствовал бы о том, что домонгольская Русь знала фунт и что на Руси фунт когда-либо подразделялся на 144 фракции. Он и не мог привести таких фактов, т. к. их нет. Правда, для подтверждения своей теории И. И. Кауфман возвестил о существовании в домонгольской Руси фунтовых денежных слитков; без ссылок на конкретный вещевой материал он писал: «До нас дошли, хотя и в весьма небольшом количестве …слитки в 96 золотников»[54]. Это «небольшое количество» в настоящее время состоит всего-навсего из одного экземпляра (вес 415,365 г), найденного в составе небольшого клада в Елабуге б. Вятской губ., да и то только в 1911 г., т. е. пятью годами позже опубликования И. И. Кауфманом его работы, причем и этот слиток принадлежит к числу совершенно не характерных для Древней Руси круглых слитков-лепешек, распространенных в IX–XIII вв. в Заволжье и не отличающихся закономерным постоянством веса[55].

Не будучи нумизматом, И. И. Кауфман в высшей степени произвольно обошелся с рядом известных к его времени нумизматических фактов. Вопреки хронологическим показаниям кладов так называемых шестиугольных слитков, отличающихся своеобразным весом и зафиксированных неоднократно вместе с сопровождающим материалом XII века, он объявил эти слитки джучидскими. Это понадобилось И. И. Кауфману, чтобы доказать всеобщее

110 и № 7–8. С. 126–134.

[53] Кауфман И. И. Русский вес, его развитие и происхождение в связи с историею русских денежных систем с древнейшего времени // Зап. Нумизмат. отд. РАО. Т. I. Вып. I. СПб., 1906. Существует и отдельное издание того же года с иной пагинацией и измененным заглавием («…с древнейших времен»).

[54] Кауфман И.И. Указ. соч. С. 179–180.

[55] Bauer N. Die Silber– und Goldbarren des russischen Mittelalters // Numismatische Zeitschrift. № 62. Wien, 1929. S. 94. № 30.

употребление иракского ратля в домонгольской Руси, которая, по мнению Кауфмана, и знала только одну денежно-весовую систему – систему ратля.

Несостоятельность теории И. И. Кауфмана очевидна не только в том, что ее положения не подтверждаются фактическим материалом денежного обращения. Поскольку провозглашенная им система не приведена в соотношение с кунной системой, она противостоит системе Русской Правды. Выходит, что, заимствовав дирхем и восточный вес, Древняя Русь продолжала в своем внутреннем обращении пользоваться загадочными кунами, ногатами, резанами и веверицами. Таким образом, заимствованный вес нашел отражение в весовых нормах слитков, но не коснулся мелких единиц кунной системы. Настаивая на своем предположении о заимствовании ратля вместе с дирхемом, И. И. Кауфман тем самым признал важность восточных монет в русском обращении, но единицы кунной системы так и оставались неисследованными, и вопрос об их характере ничуть не прояснился. Роль иноземной монеты как средства внутреннего денежного обращения Древней Руси в получившем широкое признание труде И. И. Кауфмана значительно стушевывалась.

В работе В. К. Трутовского[56], который был первым оппонентом И. И. Кауфмана, несмотря на это, содержится по существу развитие взглядов самого Кауфмана. В. К. Трутовский не отрицает возможности заимствования веса с Востока, но выражает убеждение, что это заимствование было не непосредственным, а произошло в результате обычая отливать русские денежные слитки из определенного числа восточных монет[57]. Таким числом для обычных полуфунтовых слитков остаются те же 72 дирхема – т. е. количество, никак не отраженное в русских денежных и весовых системах. В. К. Трутовский, так же как и И. И. Кауфман, только гораздо более открыто противопоставляет монеты «кунам», которые считает меховыми ценностями: по его словам, арабские, византийские, английские и немецкие монеты «в продолжение целых трех столетий заменяли на Руси недостающие ей металлические денежные знаки и ходили наравне с кунными ценностями»[58], а «переход к металлической валюте (имеется в виду переход к употреблению слитков в XI в. – В. Я.) вызывал, конечно, необходимость в согласовании прежней системы – меховой с новой – металлической»[59].

Обе рассмотренные работы, несмотря на те или иные расхождения авторов, подводят читателя к представлению о двойственном характере древнерусского обращения. Наряду с ходячей серебряной монетой Древняя Русь, согласно этому представлению, пользовалась меховой валютой, которая была для Руси исконной и система которой отличалась от системы металлических денег.

Меховые деньги были распространены в большей степени, и за ними оставалась роль внутренних денег по преимуществу.

Как же представляли себе И. И. Кауфман и В. К. Трутовский метрологическую сторону обращения дирхемов? О весовой природе дирхема они судили по теоретической норме только одного из его многочисленных видов, пользуясь для всего периода бытования восточной монеты на Руси данными, полученными только на материале VIII и IX вв., да и то случайном, и вовсе не обращаясь к изучению веса монет русских кладов. Весовая величина дирхема была признана ими постоянной для всего длительного периода его ввоза в Восточную Европу. И. И. Кауфман упомянул о коллекции гирек, собранных Британским музеем в Египте, но совершенно не привлек достаточно обильные к его времени находки древнерусских весовых гирек. А. Л. Монгайт правильно отметил, что весовые нормы русских гирек не

[56] Трутовский В. К. Русские меховые ценности и техника чеканки монет на миниатюрах XVI века.

[57] Трутовский В. К. Указ. соч. С. 435.

[58] Там же. С. 412.

[59] Там же. С. 430.

имеют ничего общего с той нормой дирхема, которая И. И. Кауфманом предложена в качестве исходной для «русского веса»[60].

Поверхностный характер исследования И. И. Кауфмана наложил отпечаток противоречивости и на его принципиальные выводы. В самом деле, попав на русскую почву, дирхем начинает, по Кауфману, жить более чем странной жизнью. Он получил широкое распространение, разнося по всей территории Восточной Европы систему арабского ратля; он лег в основу всеобщей русской весовой системы; он, наконец, положил основу системе денежных слитков или так называемой гривенной системе. В то же время он, по-видимому, не оказал никакого влияния на систему кун, т. е. на систему мелких единиц, преимущественное употребление которых в сфере денежного обращения тем более очевидно, что наименование одной из единиц этой системы даже стало собирательным обозначением денег вообще.

Общеизвестно, что гривна была высшей единицей кунной системы. Это обстоятельство и побуждает не противопоставлять друг другу систему кун и систему слитков, а пытаться искать в них общие элементы. Их общность может быть генетической, но может оказаться и структурной. Но в любом случае перед нами должен встать вопрос о происхождении и времени возникновения куны и кунной системы, а вместе с тем делается все более необходимым установить, чем же была в действительности сама куна. Если за этим названием скрывается иноземная монета, то представление о роли ввозившегося на Русь серебра должно в корне измениться. Иными глазами придется смотреть и на характер внутреннего русского денежного обращения.

Употребление товаро-денег и металлических денег – это различные ступени развития денежного обращения. Отражая общее состояние развития народного хозяйства, различные этапы денежного обращения свидетельствуют и о различных этапах развития экономики. Можно допускать длительное переживание различных видов товаро-денег в обращении развитого общества в том случае, когда оно лишено сырьевой металлической базы. Однако вряд ли можно говорить о существенном развитии общественной экономики, если обращение использует чуть ли не в основном товаро-деньги, имея при этом все условия для замены их металлической монетой. Последнее замечание является вполне логичным выводом из построений И. И. Кауфмана и В. К. Трутовского.

Уже в советское время к проблеме происхождения русских весовых норм обратился один из видных русских нумизматов Н. П. Бауер[61]. Ему принадлежит первая попытка обосновать взаимосвязь иноземных монет, обращавшихся на Руси, с весовыми нормами денежных слитков. Критикуя И. И. Кауфмана за то, что тот «вовсе не интересовался существованием другой гривны, гривны Русской Правды, бывшей в обиходе задолго до появления серебряных слитков»[62], Н. П. Бауер писал, что «пришедшие ранее других монет на русскую равнину арабские дирхемы и положили начало кунной системы»[63], а «раз дирхем был древнейшей куной, то встречающиеся в наших кладах части следует признать единицами кунной системы»[64]. Этот вывод он противопоставил, однако, не всему существу построений Кауфмана, а только его «арабской» теории. Приведя целый ряд фактов, свидетельствующих о резко различном качестве разных видов дирхема, употреблявшихся на Востоке, Н. П. Бауер отказался от изучения веса дирхемов русских кладов, тем более что способ чеканки этих монет (ал-марко), как ему казалось, не давал возможности для достаточно точных выводов.

---

[60] Монгайт А. Л. Рязанские гирьки // Краткие сообщения ИИМК АН СССР. Вып. XIV. М.; Л., 1947.

[61] Бауер Н. П. Денежный счет Русской Правды // Вспомогат. исторические дисциплины. М.; Л., 1937.

[62] Там же. С. 226.

[63] Там же. С. 219.

[64] Там же. С. 220.

Пестрота веса и качества дирхемов «вообще» привела его и к выводу о том, что прием кун-дирхемов осуществлялся на глаз.

Н. П. Бауером была создана собственная концепция происхождения русских весовых единиц: «…так ли уж обязательно признавать арабов за учителей древнего населения Восточной Европы в отношении веса, как это делал Кауфман? – писал Н. П. Бауер, – …на мой взгляд гораздо естественнее признать норманнов носителями этих навыков: они прошли всю Восточную Европу вдоль и поперек, их же, вероятно, и разумеет Ибн-Фадлан, говоря о руссах, что они массами накопляли дирхемы и, набрав 10 000 штук, одаривали жен своих цепями. Норманны доставляли эти же дирхемы в огромных количествах к себе на родину, а также морем в Польшу и к другим западным славянам»[65].

В подтверждение этой концепции Н. П. Бауером была обоснована метрологическая связь как древнерусских слитков, так и кунной системы со скандинавскими весовыми единицами. Образующие обширную группу слитки весом около 200 г были признаны им точно соответствующими скандинавской марке в 197 г, гривна кун (49,25 г) – двум скандинавским эрам, а резана в 0,98 г близко совпала с обычным весом западного денария, распространенного в Восточной Европе в XI в.

Теория западного происхождения русской гривны развивалась Н. П. Бауером в полном соответствии с представлениями об исключительной роли варяго-норманнов в истории русского общества. Выходцы из Скандинавии только и осуществляли торговые сношения Руси с Востоком. Слившись с верхушкой славянского общества, они составили основную группу населения, дававшую движение денежному обращению. Последнее было единым на всей обширной территории славянской Восточной Европы, скандинавского севера и на землях западных славян. Впрочем, у восточных славян иноземная монета употреблялась главным образом как средство накопления. Все эти идеи развивались Н. П. Бауером во многих работах, печатавшихся в СССР и за границей.

Откровенный норманизм Н. П. Бауера не нашел сочувствия у советских историков. Однако он не получил и достаточно энергичного отпора на страницах нашей исторической литературы. Противовесом ему до сих пор остается все та же неудовлетворительная концепция И. И. Кауфмана, подорванная в значительной степени самим Н. П. Бауером. Более того, уже в послевоенное время норманизм Н. П. Бауера нашел себе прибежище на страницах «Истории культуры древней Руси»[66]. Те же идеи легко обнаружить в освещении денежного хозяйства Древней Руси на страницах капитального труда П. И. Лященко «История народного хозяйства СССР»[67].

Предложив свое решение вопроса, Н. П. Бауер не разрешил большого круга проблем, остающихся открытыми до настоящего времени. Признавая скандинавское происхождение гривны, он не сомневался в оригинальном происхождении системы русского денежного счета. Получалось, что русская гривна образовалась на основе платежного употребления восточного дирхема, но по системе русского счета. В то же время она оказывалась заимствованной с Запада. Это противоречие заставило Н. П. Бауера говорить о счетной гривне Русской Правды и весовом характере сменившей ее гривны серебра. Для того чтобы свести концы с концами, Н. П. Бауер предположил, что дирхем содержал 2,46 г чистого серебра, что соответствует весу ногаты в системе рассчитанных им единиц. Очень неубедительное само по себе обращение к понятию чистого серебра для того времени, когда определение чистоты металла могло быть лишь крайне приблизительным, не было подтверждено химическими анализами монет. Тем не менее в статье Б. А. Романова оно нашло полное применение и

[65] Бауер Н. П. Указ. соч. С. 226.

[66] Романов Б. А. Деньги и денежное обращение.

[67] Лященко П. И. История народного хозяйства СССР. Т. I. Госполитиздат. 1947.

даже переведено из предположительной формы в категорическую. Положения Н. П. Бауера о месте дирхема в русской системе сводятся к следующему. Первоначально на территории Древней Руси бытовал под названием куны выравненный в весовом и качественном отношении дирхем с лигатурным весом 2,86 г и содержанием чистого серебра в 2,46 г. Впоследствии, когда качество металла ухудшилось, старые дирхемы стали называться ногатами, и 20 таких дирхемов приравнивались к 25 новым худшим дирхемам, содержавшим 1,97 г серебра, за которыми осталось название «куна». Количество практически содержавшегося металла в счетной гривне Н. П. Бауера составляло 57,20 г. В отличие от дирхема, приходящий ему на смену денарий отличается исключительной чистотой серебра. Поэтому к нему мог быть впервые применен весовой критерий, причем, несмотря на приход денария с Запада, его вес удивительно точно совпадает со старыми нормами содержания чистого серебра в дирхеме.

Сложные построения Н. П. Бауера настолько расходятся с мнением ранее им же высказанным о слабости русского денежного обращения, что доверие к его выводам не возросло бы даже и в том случае, если бы свои теоретические выкладки он подкрепил массовым анализом веса и качества монет. Однако монеты им не были привлечены, и поэтому тем более нет никаких оснований присоединяться к его достаточно путаной концепции.

Интересующей нас проблеме посвятил небольшую статью А. Л. Монгайт, работа которого содержит критику построений И. И. Кауфмана. Однако А. Л. Монгайт не касается всей проблемы в целом, он допускает заимствование весовой нормы с арабского Востока и подвергает сомнению лишь конкретный вывод И. И. Кауфмана о том, что заимствованной величиной был именно иракский ратль в 96 золотников.

Анализируя вес русских гирек, А. Л. Монгайт пришел к выводу, что в основе его лежит так называемый легальный дирхем весом в 3,97 г, а сами гирьки «не являются частью какого-либо определенного ансыря, или, во всяком случае, не дают возможности установить его величину»[68]. На основании сравнительного материала А. Л. Монгайт показал, что 96-золотниковый фунт мог проникнуть в Русь и с Запада позднее проникновения арабского дирхема. Однако и мнение А. Л. Монгайта вряд ли можно признать достаточно обоснованным. Утверждая, что рассмотренные им гирьки употреблялись для взвешивания монет, он не обратился к монетному весу и не доказал бытование в Восточной Европе реального дирхема весом в 3,97 г.

Краткий обзор литературы предмета показывает, что вопрос о происхождении русских весовых норм и денежно-весовых систем далеко еще не решен. Какую роль в русском обращении играла иноземная монета? К какому времени относится начало формирования русских денежно-весовых систем? Каково происхождение русской гривны? Что, наконец, мы должны понимать под кунами, ногатами, резанами? Коль скоро все эти вопросы не получили решения, вряд ли можно сколько-нибудь уверенно судить о состоянии и степени развития древнерусского денежного обращения.

Исследователь древнерусских денежно-весовых систем, таким образом, имеет дело со всей совокупностью спорных вопросов, которые встали перед исторической наукой еще в прошлом веке. Однако стремительное развитие науки в наши дни позволяет подойти к решению этих вопросов достаточно широко. Исторические и археологические работы последних лет позволили советским историкам воссоздать картину блестящего хозяйственного и культурного расцвета домонгольской Руси. К высокому развитию городского ремесла и товарного обращения Древней Руси вряд ли применимы те мерки, в которые втискивались представления о русском денежном обращении в трудах Д. И. Прозоровского, И. И. Кауфмана, В. К. Трутовского и Н. П. Бауера. Вполне анахронической представляется и общая тенденция относить начало формирования денежно-весовой системы Древней Руси только к X–XI вв.

[68] Монгайт А. Л. Рязанские гирьки. С. 69.

Основой настоящего исследования является изучение массового монетного материала. Именно игнорирование самой монеты было постоянной причиной того, что любой вывод, предлагавшийся исследователями русских денежно-весовых систем, оставался дискуссионным. В течение длительного времени накопление нумизматических материалов шло мимо исследования русских денежно-весовых систем. Это было характерно до такой степени, что даже построения работавшего в Отделе нумизматики Эрмитажа Н. П. Бауера в части куфических монет не опирались на богатейшее собрание дирхемов этого музея.

Наименее трудоемким способом изучения массового нумизматического материала русского денежного обращения было бы метрологическое исследование монетных кладов; такое изучение было бы и наиболее правильным. Однако в современных условиях оно является совершенно невыполнимым. Несмотря на продолжительность топографической регистрации русских монетных кладов, начатой еще Х. Д. Френом в первой половине прошлого века, клады либо вовсе не сохранялись, либо шли на пополнение собраний. Не производилось и взвешивание монет. Поэтому исходный материал для исследования состоит в настоящее время из сравнительно небольшого количества целых кладов, поступивших в музеи уже в советское время, и из громадных количеств обезличенных монет в коллекциях, которые составлялись в основном за счет тех же русских монетных кладов. Примесь монет, поступивших в музейные собрания из других источников, совершенно незначительна и практически растворяется среди монет, происходящих из русских находок.

Вынужденная необходимость обращаться главным образом к коллекциям монет, а не к кладам, к совокупности монет, в которой клады смешаны и растворены друг в друге, не позволяет в настоящее время исследовать частные особенности денежного обращения отдельных небольших областей Древней Руси. Основной нашей задачей поэтому является исследование тех закономерностей, которые были присущи для обращения всей Восточной Европы в целом или обращения ее достаточно обширных областей.

В предлагаемой работе учтены весовые данные более 30 000 монет таких коллекций. Вполне понятно, что для работы над беспаспортными материалами необходимо было преодолеть их обезличенность. С этой целью было предпринято параллельное хронологическое исследование монет русского денежного обращения, для чего были привлечены сведения о составе многочисленных кладов, описанных в литературе и в каталогах музеев. Только после того как на основе изученных кладов удалось установить, какие именно виды монет характерны для разных периодов обращения, и выяснить, как происходит смена одних групп другими, стало возможным привлечь и беспаспортный материал для метрологического исследования, разделив его на хронологические группы.

Деление материала на хронологические группы направлено против антиисторического приема притаскивания отдельных фактов для объяснения таких явлений, которые имели длительный характер или значительно отстояли во времени от этих фактов. С таким приемом во многих названных выше работах приходится иметь дело постоянно. В особенности это относится к ходячим представлениям о норме дирхема. Для И. И. Кауфмана, например, нормы, полученные на материале одних только омейядских монет, были несомненными нормами любого дирхема, тогда как Н. П. Бауер придавал исключительное значение именно весовой пестроте дирхема уже в IX в. Правильное представление об эволюции веса монет может дать только хронологическое изучение большого их количества.

Поскольку к весовым нормам монетных групп в дальнейшем нам придется обращаться постоянно, следует остановиться на очень распространенном в нумизматике и метрологии методе «среднего веса». Этот метод, сыгравший большую роль в развитии монетной метрологии, вполне применим в определенных случаях к средневековым монетам, чеканившимся по способу «ал-марко». Теоретическая весовая норма отдельной монеты при этом способе чеканки совпадает с нормой среднего веса всей партии монет одного выпуска. Она вообще

может быть открыта только при помощи подсчета среднего веса массы однородных монет. Однако исчисление средних цифр теряет весь свой смысл, будучи применено к таким монетам, которые сохраняют постоянство типа на протяжении длительного времени, обращаясь вне выпускавшего их государства. Это целиком и полностью относится к дирхему. Консервативное постоянство типа монет, которые в силу чеканки по способу «ал-марко» отличаются известной весовой пестротой, по существу и вызывается исключительно нормами внутреннего обращения того общества, государственные власти которого чеканят монету. Если во внутреннем обращении, например государства Бувейхидов, дирхемы, чеканенные одной парой штемпелей, но имевшие значительные весовые различия, могли восприниматься как равноценные монеты, то на международном рынке они вообще переставали быть дирхемами. В права вступали их объективные показатели. Только эти объективные показатели веса монеты и качества ее металла определяли место иноземной монеты и во внутреннем обращении усвоившего ее общества.

Когда внешне одинаковые, но различающиеся по весу иноземные монеты вступают в столкновение с местными нормами денежного обращения, они в нем могут выполнять роль уже нескольких разных «номиналов». Как увидим далее, в определенный период вес дирхема мог колебаться от 2,5 до 6 г. В этих пределах умещаются русские денежно-весовые нормы и куны, и ногаты, и двух кун. Поэтому вполне закономерна попытка выделить во внешне однообразном монетном материале различные группы «номиналов» и выяснить, в чем заключалось своеобразие этих групп. Ясно, что оно не будет уловлено, если мы будем исчислять среднюю норму по всей массе материала, который в данном случае представляет смесь разновесных монет.

К исследованию монетной метрологии полностью применима та характеристика, которую дал средним цифрам В. И. Ленин. Он называл их «общими и огульными» и указывал, что они «имеют совершенно фиктивное значение»[69]. Действительно, если ходячие монеты, несмотря на внешнее сходство, могли представлять в русском обращении единицы с разными местными наименованиями, т. е. разные номиналы, то цифры, характеризующие их средний вес, окажутся безликими и «имеющими совершенно фиктивное значение». Они ничем не помогут исследователю закономерностей того обращения, которое пользовалось иноземной монетой.

В настоящей работе методика исследования весовой метрологии массового монетного материала иная. После взвешивания однородных монет экземпляры с одинаковым весом объединяются в группы и подсчитываются. Эти группы окажутся однородными уже и в весовом отношении. Если внешне одинаковые монеты в процессе древнего обращения проходили известную сортировку по нормам местного обращения и включают в свой состав различные местные «номиналы», то последние найдут соответствие и в наших механически выделенных весовых группах.

Для удобства фиксирования статистических данных в работе применяются графические таблицы-диаграммы. Схема диаграмм при этом следующая: по горизонтали располагается весовая шкала (с точностью до 0,1 г для монет и до 1,0 г для слитков), по вертикали – количественная шкала. Кривая, построенная при соответствующем размещении материала, демонстрирует метрологическое его единство или существование в нем каких-либо разнородных групп, закономерность или случайность тех или иных отклонений от обычных весовых норм, позволяет выделить группы монет с наиболее часто повторяющимся весом и т. д.

При этом способе исследования не представляет практических затруднений потертость некоторых монет, которая всегда влияет на исчисление среднего веса. При исчислении последнего исследователь имеет дело только с одним показателем, к которому делается та

[69] Ленин В. И. Соч. Т. 3. С. 120.

или иная надбавка на потертость монет. Понятно, что такая надбавка может быть в значительной степени произвольной. При графическом исследовании массы монет норма денежного веса характеризуется двумя показателями, между которыми заключена вся группа метрологически однородных монет. Значительная часть их отличается хорошей сохранностью, что в применении к интересующему нас времени было подмечено еще П. Г. Любомировым[70]. Поэтому теоретическая норма монетного веса при всех условиях бывает заключена в пределах той же амплитуды фактического колебания веса массы метрологически однородных монет.

При изучении веса слитков применена та же методика, но здесь приходится учесть некоторые дополнительные соображения. Главной особенностью веса древнерусских денежных слитков является то, что в большинстве своем они оказываются несколько легче своих теоретических норм. Эту особенность Г. Б. Федоров объяснял постепенным падением веса слитков в силу известных экономических законов. «За два столетия своего существования, – пишет Г. Б. Федоров, – серебряная гривна упала в весе с 48 золотников (204,756 г) до 45,5 золотников (195 г), т. е. более чем на 9 грамм, или на 4,6 %, что является обычным процентом падения для монетных единиц средневековой монетной системы»[71]. Однако наблюдения над весом слитков XII, XIII и XIV столетий показывают, что относительная пестрота веса свойственна русскому денежному слитку на всем протяжении его существования. Более того, массовое взвешивание, результаты которого рассматриваются ниже, убеждает, что никакого движения весовых норм слитков не существовало вплоть до начала русской монетной чеканки во второй половине XIV в. Не обоснованы соображения Г. Б. Федорова и теоретически: падение величины денежных единиц на Западе, с которым знаком каждый историк и экономист, было обусловлено наличием в обращении мелкой металлической чеканенной монеты. Отклонение денежных единиц от весовых, о котором говорит Г. Б. Федоров, Маркс объяснял стиранием и фальсификацией именно монеты, падение веса которой влечет за собой падение и основных единиц денежных систем. На Руси безмонетного периода эти условия отсутствовали.

Постоянное отклонение фактического веса слитков от их теоретической нормы вызывалось причинами технологического порядка. В русском обращении слиток – явление более позднее, нежели иноземная монета. Он возник как реальная форма древней денежной единицы, первоначально имевшей счетный характер. При литье слитки могли дозироваться в основном только определенным количеством серебра, которое обращалось в виде мелких денежных единиц. Иными словами, денежный слиток должен быть эквивалентен существовавшему до плавки определенному количеству весового серебра. Поскольку превращаемое в слиток количество серебра шло через тигель литейщика, серебро слитка, оставаясь эквивалентным взятому первоначально количеству, теряло известную часть своего веса, благодаря неизбежному угару при плавке. Величина же угара в каждом случае определяется качеством исходного материала, но плавка без угара невозможна.

Если весовая норма однородной группы монет заключена в пределах колебания веса основной массы этих монет, то норма слитка всегда находится за пределами этого колебания. Надбавку в весе следует делать даже к наиболее тяжелым слиткам, разумеется, считаясь при этом и с весьма низким «классом точности» древних весов.

С этой точки зрения неприемлемой представляется методика Н. П. Бауера и Б. А. Романова, в основе метрологических концепций которых лежит исчисление среднего веса слитков.

---

[70] Любомиров П. Г. Торговые связи древней Руси с Востоком в VIII–XI вв. // Уч. зап. Гос. Саратов. ун-та. Т. I. Вып. 3. Саратов, 1923. С. 10.

[71] Федоров Г. Б. Деньги Московского княжества времени Дмитрия Донского и Василия I // Матлы и исслед. по археол. СССР. № 12. М.; Л., 1949. С. 148.

Хронологический анализ и массовое взвешивание монет и слитков дают возможность установить те весовые нормы денежного обращения, которые были закономерными для различных этапов развития русских денежно-весовых систем. Правильность исчисления этих норм может быть подтверждена тем, что в своей совокупности они рисуют картину исторически закономерного развития. Сама логика развития русских денежно-весовых систем, таким образом, служит важным подтверждающим аргументом.

Однако какой бы стройной ни казалась реконструируемая нами система внутреннего развития денежно-весовых единиц, она будет оставаться спорной до тех пор, пока не будет подтверждена и другими современными материалами ненумизматического характера. К числу последних относятся, в первую очередь, привлекаемые нами весовые гирьки, которые обслуживали рассматриваемое монетное обращение. Широкий круг ненумизматических источников составляют памятники письменности, содержащие различные сведения о денежном обращении и денежных системах. Роль документов не исчерпывается проверкой выводов, полученных при исследовании вещественного материала. Именно они знакомят нас с терминологией денежного хозяйства и с устройством систем денежного счета. Памятники письма дают в руки исследователя необходимые инструменты, с которыми он приступает к изучению вещественных источников.

С анализа письменных сведений мы и начинаем исследование нашей темы.

Глава II
Денежная терминология и денежный счет домонгольской Руси

Денежное обращение и денежные системы Древней Руси уже в самых ранних русских памятниках письменности предстают перед исследователем как явления сложившиеся и имеющие значительную давность.

Говоря о деньгах и денежных единицах, начальная русская летопись и древнейший русский юридический памятник – Русская Правда имеют дело не только с терминами живыми, сохраняющими свое значение и в последующие века русской истории, но отчасти и с терминами явно пережиточными. Последнее касается, в первую очередь, собирательного термина «скот», равнозначного современному «деньги». В этом смысле слово «скот» четыре раза встречается в первой части краткой редакции Русской Правды[72], один раз в летописи[73], один раз в Мирном договоре Новгорода с Готским берегом (1189–1199 гг.)[74] и несколько раз в памятниках переводной литературы[75].

Пережиточность термина «скот» подтверждается как крайней редкостью употребления его в источниках, предпочитавших пользоваться термином «куны», так и неоднократными заменами его последним в позднейших редакциях древних текстов. Такими же пережиточными являются и производные от «скот» понятия «скотница» (казна), «скотолюбие» (сребролюбие)[76].

Этимология термина «скот» допускает заманчивую возможность видеть в нем указание на очень отдаленный период употребления восточными славянами скота в качестве товаро-денег. Однако вряд ли можно настаивать на таком предположении. Существование в древнейшей Восточной Европе условий, при которых скот мог выполнять роль средства обращения, никем не доказано. Кроме того, во всех отмеченных случаях термин «скот», хотя применяется и к деньгам, но, по-видимому, не имеет ограничительного значения. В контекстах он может быть переведен более точно как «имущество», «достояние», «казна». Точно такие же понятия (в том числе и понятие «деньги») в древнескандинавском языке выражает термин skattr, в англосаксонском – skeatt, в древнесаксонском – skat, в древнем верхненемецком – seaz[77]. В современном немецком языке им соответствует слово Schatz, производное от того же корня. Нужно полагать, что все эти термины восходят к древнему индоевропейскому термину, который был собирательным для обозначения разных видов имущества и богатства, а в позднейшем русском языке сохранился лишь в ограничительном применении к одному из главнейших видов имущества и богатства – домашнему скоту. Процесс ограничения этого термина мы, по-видимому, и наблюдаем в упомянутых текстах.

Однако и те единицы денежно-весовой системы, которые не были пережиточными в XI–XIII вв. – в первую очередь, куна и гривна, не являются понятиями, только что сформировавшимися. Их терминология, а следовательно, и начало употребления значительно древнее самих письменных памятников Киевской Руси.

---

[72] Тихомиров М. Н. Пособие для изучения Русской Правды. М., 1953. С. 78–79, ст. 14, 15, 17.

[73] ПСРЛ. Т. I. С. 143, под 6526 г.

[74] Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949. С. 56, грамота № 28.

[75] Истрин В. М. Александрия русских хронографов. Приложения // Чтения общ. люб. ист. и древн. Росс. 1894. Кн. II. С. 66; Дурново Н. Матлы и исслед. по старинной литературе. К истории повести об Акире. М., 1915. С. 108.

[76] Бауер Н. П. Денежный счет Русской Правды. С. 188.

[77] Там же. С. 191.

Термин «гривна», служивший для обозначения высшей единицы денежно-весовой системы, известен не только в языках восточных славян. Им пользовались для обозначения и денежной, и весовой единицы западные и южные славяне. Он одинаково хорошо известен полякам, чехам, литовцам[78]. Значительным распространением пользуется и термин «куна», который бытовал не только в Восточной Европе, но и на Балканах, в частности у хорват[79]. По-хорватски «куна» также имеет значение «куница». Интересно отметить, что в средневековой Хорватии воспоминание об этом термине проявляется в изображении на монетах куницы, ставшей геральдической эмблемой, а в период Второй мировой войны термин «куна» был возрожден националистическим правительством Хорватии для обозначения выпущенных им кредиток.

Общность основных древних денежных терминов у разных славянских народов не является результатом общения этих народов в летописные времена, когда процессы развития феодализма вели к экономическому и политическому дроблению, а развитие местных производительных сил замыкало товарные связи производителей в пределах сравнительно небольших областей. В условиях раннего феодализма преобладающую роль в товарном обращении первоначально имеют внешние торговые связи, значение которых ослабевает с развитием внутренних производительных сил. Это затухание значения внешней торговли для славянских народов в связи с их собственным экономическим развитием, как будет показано ниже, всецело проявляется ко времени возникновения первых славянских письменных памятников.

Денежные системы не складываются раз и навсегда. Сформировавшись в основных чертах, они претерпевают дальнейшее развитие; большая или меньшая ясность вопроса о денежных единицах летописного периода еще не позволяет решить проблему происхождения и первоначальной структуры русских денежно-весовых систем, а отсутствие взаимопроверяемых данных долетописного времени не дает возможности начать изучение их истории непосредственно со времени их возникновения. Однако, опираясь на данные денежных систем XI–XIII вв., являющихся уже результатом известного развития, мы можем судить об основных тенденциях этого развития и о наличии в поздних системах несомненно древних элементов.

Древнейшие русские письменные памятники знают пять элементов денежной системы: гривну, куну, ногату, резану, веверицу. Последняя часто фигурирует в источниках под наименованием векша. Специфический характер основного нашего источника для изучения древнерусского денежного счета – Русской Правды – позволяет выяснить взаимоотношение этих единиц, не прибегая к синтезу разнородных свидетельств, что, конечно, не только облегчает расчеты, но и делает их наиболее достоверными.

Важнейшими элементами денежной системы Древней Руси времен Русской Правды были гривна и куна. Первая является высшей единицей системы, все остальные единицы были ее фракциями. Куна, являясь одной из мелких единиц системы, дала наименование и собирательному понятию «куны» – деньги. Аналогии из истории других денежно-весовых систем показывают, что подобные собирательные названия могут соответствовать либо основному материалу денежного обращения (ср. франц. argent, русск. «сребро»), либо одной из единиц системы, наиболее употребительной в практике денежного обращения (русск. «деньги», укр. «гроши»), либо, наконец, отражать понятие «монета» (англ. money). Ниже

---

[78] Шодуар С. Обозрение русских денег и т. д. Ч. I. СПб., 1837. С. 21; Аристов Н. Промышленность древней Руси. СПб., 1866. С. 237; Кауфман И. И. Серебряный рубль в России от его возникновения до конца XIX в. СПб., 1910. С. 16; Святловский В. В. Примитивно-торговое государство как форма быта // Зап. Ист. – филол. ф-та СПб. ун-та. Ч. CXVIII. СПб., 1914. С. 94; Гусаков А. Д. О некоторых явлениях в денежном обращения древней Руси // Изв. АН СССР. Отд. экон. и права. № 3. М., 1946. С. 235.

[79] Ciro Truhelka. Slavonski banovci. Sarajevo, 1897. S. 45 и сл.

мы постараемся показать, что собирательное наименование «куны» усвоило не только русское название наиболее распространенной денежной единицы, но и термин, служивший для обозначения монеты вообще. Остальные названия фракций гривны употребляются реже, что особенно наглядно демонстрирует летопись, имевшая дело главным образом с куной и гривной. Соотношение единиц в гривенной системе после работ П. С. Казанского[80] и П. Н. Мрочек-Дроздовского[81] может считаться выясненным окончательно. В основу расчета обоими исследователями были положены две статьи Краткой Правды: статья о возмещении за скотину[82] и так называемый Покон (Поклон) вирный[83].

Первая статья содержит расценки, выраженные в разных единицах, но сохраняющие последовательность от более крупных сумм к более мелким: за коня – 2 гривны, за кобылу – 60 резан, за вола – гривна, за корову – 40 резан, за третьяка– 15 кун, за лоньщину – 1/2 гривны, за теля – 5 резан, за яря и барана – ногата. Иными словами: 2 гривны больше 60 резан; 60 резан больше гривны; гривна больше 40 резан; 40 резан больше 15 кун; 15 кун больше 1/2 гривны; 1/2 гривны больше 5 резан; 5 резан больше ногаты. Отсюда следует, что резан в гривне больше, чем 40, но меньше 60, а кун больше 15, но меньше 30; в гривне больше 8 ногат. Допустив – до дальнейшей проверки, что в гривне содержалось круглое число фракций, мы получаем, что гривна = 50 резанам = 20 или 25 кунам = 10 или 15 или 20 ногатам.

«Покон вирный» позволяет установить, что в куне содержалось 2 резаны. В этой статье регламентируется размер сбора виры и норма довольствия вирника: «А се покон вирный: вирнику взяти 7 ведор солоду на неделю, тъже овен любо полоть, или две ногате, а в среду резану, въже сыры, в пятницу тако же; а хлеба по кольку могуть ясти, и пшена; а кур по двое на день; коне 4 поставити и сути им на рот, колько могуть зобати; а вирнику 60 гривен и 10 резан и 12 веверици; а переде гривна; или ся пригоди в говение рыбами, то взяти за рыбы 7 резан; тъ всех кун 15 кун на неделю, а борошна колько могуть изъясти; до недели же виру сберуть вирници; то ти урок Ярославль»[84].

Исчисление общей суммы денежного довольствия в недели поста дает здесь возможность выяснить соотношение резаны и куны, т. к. сумма выражена в кунах, а слагаемые – в резанах. При оплате работы вирника учтены, по-видимому, шесть дней; седьмой день – воскресенье – является нерабочим. Из шести дней отличны среда и пятница, в которые пост усиливается. В среды и пятницы мясоедов «Покон» назначает вирнику плату в одну резану. Та же плата сохраняется и в постные недели, т. к. в «Поконе» каких-либо отличий не оговорено. В остальные четыре дня постной недели устанавливается рыбный корм, или по 7 резан в день. В течение недели работа должна быть окончена; воскресенье, по-видимому, назначается для переездов. В сумме недельная плата выражается в 30 резанах (7 Х 4) + (1 Х 2), которые в самом памятнике обозначены как 15 кун. Отсюда: куна = двум резанам, а гривна = 25 кунам = 50 резанам.

Правильность выясненного соотношения резаны и гривны подтверждают некоторые дополнительные статьи Русской Правды, содержащиеся в ее Карамзинском списке. Они же позволяют установить соотношение гривны и ногаты. Эти статьи содержат исчисление возможного приплода от овец, коз, свиней, кобыл, пчел и т. д. за 10–12 лет и выражают его стоимость в денежных суммах[85].

---

[80] Казанский П. С. Исследования о древней русской монетной системе // Зап. АО. Т. III. СПб., 1851. См. также: Т. VI. СПб., 1855 (ч. 2).

[81] Мрочек-Дроздовский П. Н. Опыт исследования источников по вопросу о деньгах Русской Правды.

[82] ТихомировМ. Н. Пособие для изучения Русской Правды. С. 82, ст. 25, 26.

[83] Там же. Ст. 42.

[84] Тихомиров М. Н. Пособие для изучения Русской Правды. С. 82.

[85] Там же. С. 121, 122.

В статье о приплоде от овец стоимость 360 446 рун определяется в 7 208 гривен 46 резан, а стоимость каждого руна – в 1 резану. Таким образом, 7 208 гривен = 360 400 резанам (360 446 – 46). Простым делением легко установить, что гривна содержит 50 резан.

Стоимость 90 112 овец и 90 111 баранов в той же статье определяется в 45 055 гривен 40 резан, в то время как стоимость овцы равна 6 ногатам, а стоимость барана – 10 резанам. Таким образом, все 90 111 баранов стоят 901 110 резан, или 18 022 гривны 10 резан, а 90 112 овец – 27 033 гривны 30 резан (45 055 гр. 40 рез. – 18 022 гр. 10 рез.). В то же время овцы стоят 540 672 ногаты (90 112 X 6), что дает уравнение:

27 033,6 гривны = 540 672 ногатам;

1 гривна = 540 672: 27 033,6 = 20 ногатам.

Тот же результат дает расчет стоимости коз в следующей статье «О козах», где повторяются такие же цифры. Не отличаются в этом отношении и дальнейшие статьи, но в одних случаях они полностью подтверждают полученные равенства, в других им свойственна та или иная легко объяснимая путаница. Подробный разбор этих статей Карамзинского списка издан неоднократно. Здесь следует обратить внимание лишь на полное отсутствие в них куны среди упоминаемых денежных единиц; расчет ведется в основном на резану.

Таким образом, расчет соотношений денежных единиц в Краткой редакции Русской Правды позволяет реконструировать систему денежного счета XI в. в следующем окончательном виде:

гривна = 20 ногатам = 25 кунам = 50 резанам.

Отношение к гривне самой малой ее фракции – веверицы, или векши – по письменным источникам не устанавливается.

Отношение куны к гривне в Пространной редакции Русской Правды, составленной на рубеже XII и XIII вв., оказывается иным. Сравнение параллельных статей этого памятника и Краткой Правды показывает, что в нем полностью отсутствует резана, место которой везде занимает куна, тогда как оценки, выраженные в гривне и в ногате, остаются одинаковыми в обеих редакциях:

Пространная Правда

7. Покон вирнии… а в середу куна, же сыр, а в пятницю тако же.

37. Аже крадеть кто скот в хлеве или клеть, то же будеть один, то платити ему 3 гривны и 30 кун; будеть ли их много, всем по 3 гривны и по 30 кун платити.

38. Аже крадеть скот на поли, или овце, или козы, ли свиньи, 60 кун; будеть ли их много, то всем по 60 кун.

41. Аже за кобылу 60 кун, а за вол гривна, а за корову 40 кун, а за третьяка 30 кун, за лоньщину пол гривны, за теля 5 кун, а за свинью 5 кун, а за порося ногата, за овцю 5 кун, за боран ногата, а за жеребець, аже не вседано на нь, гривна кун… 73. Аже лодью украдеть, то 60 кун продаже.

77. А за гусь 30 кун, а за лебедь 30 кун, а за жеравль 30 кун[86].

Краткая Правда

42. …а в среду резану въже сыры, в пятницу тако же.

29. А иже крадеть любо конь, любо волы, или клеть, да еще будеть един крал, то гривну и тридесят резан платити ему, или их будет 18, то по три гривне и по 30 резан платити мужеви.

[86] Нумерация статей Пространной и Краткой Правды – по изданию: Тихомиров М. Н. Пособие для изучения Русской Правды.

40. Аже украдуть овцу или козу, или свинью, а их будеть 10 одину овцу украле, да положать по 60 резан продажи.

26. За кобылу 60 резан, а за вол гривну, а за корову 40 резан, а третьяк 15 кун, а за лоньщину пол гривне, а за теля 5 резан, за яря ногата, за боран ногата.

34. А оже лодью украдеть, то за лодью платити 30 резан, а продажи 60 резан.

36. А в утке, и в гусе, и в жераве, и в лебеди 30 резан; а продажи 60 резан.

Как видно из приведенных статей, куна уменьшается вдвое, замещая резану. В одном случае пересчитана сумма в 15 кун (цена третьяка), выраженная теперь в 30 кун. Однако это не означает, что резана вообще устраняется из денежной терминологии. Отсутствующая в Русской Правде, она постоянно встречается нам на страницах летописи и других письменных документов. Мы найдем ее в «Слове о Полку Игореве», созданном в 1187 г.[87], в духовной Климента второй половины XIII в.[88], в Мирном договоре тверского великого князя Михаила Александровича 1375 г.[89] Однако неизвестно ни одного текста XII–XIV вв., в котором резана упоминалась бы рядом с куной. Счет на куны, более распространенный в это время, нежели счет на резаны, сосуществует рядом с последним, в рамках одной и той же системы на одних и тех же территориях. Отмеченный выше факт замещения резаны куной и свидетельствует о том, что в XII–XIV вв. имело место не сосуществование двух разных денежных единиц, а сосуществование двух терминов, применявшихся к одной и той же единице. Куна и резана сливаются и служат для обозначения той денежной единицы, которая прежде называлась резаной.

Кроме куны, другие единицы не испытывают каких-либо изменений, так же как и сама гривна. Об этом свидетельствует полное совпадение ставок штрафа в параллельных статьях Краткой и Пространной Правды.

Последнее тем более замечательно, что письменные памятники уже с 1137 г. фиксируют появление новой гривны или «гривны новых кун». Новая гривна впервые упоминается в уставной грамоте Святослава Ольговича новгородскому Софийскому собору (1137 г.): «Того для уставил есть святой Софьи, ать емлет пискуп за десятину от вир и продаж 100 гривен новых кун»[90]. Новые куны противопоставляются старым на всем протяжении XII в. Это противопоставление известно даже документам самого конца XII в.: «а оже мужа свяжють без вины, то 12 гривн за сором старых кун»[91], «оже пошибаеть мужеску жену любо дчьрь, то князю 40 гривн ветхыми кунами…»[92].

Появление гривны новых кун в актах не ранее 30-х гг. XII в. косвенно указывает, что именно нужно понимать под гривной старых или ветхих кун. Это могла быть только гривна Краткой Правды, безраздельно господствовавшая во всех памятниках XI в. Как мы только что видели, и гривна Пространной Правды, составленной спустя долгое время после появления в документах новой гривны, по стоимости не отличается от старой.

Характер различия старой и новой гривен определяется спецификой денежной терминологии русских международных договоров XII–XIII вв., в первую очередь, Мирного договора Новгорода с немецкими послами, составленного в 1189–1199 гг.[93] Этот договор, относящийся к тому времени, когда гривна новых кун насчитывала уже не менее 50–60 лет существования, тем не менее выражает штрафы в гривнах старых или ветхих кун. Поскольку

---

[87] Слово о Полку Игореве. Л., 1953. С. 48.

[88] Грамоты Великого Новгорода и Пскова. С. 163. № 105.

[89] СГГ и Д. I. № 28 (датирована 1368 г.).

[90] Самоквасов Д. Я. Памятники древнего русского права. М., 1908. С. 163.

[91] Грамоты Великого Новгорода и Пскова. С. 55. № 28. Договорная грамота Новгорода с Готским берегом (1189–1199 гг.).

[92] Там же.

[93] Там же.

стоимость гривны не менялась, предпочтение старых кун новым свидетельствует о том, что новые куны почему-либо не были пригодны для удовлетворения потребностей международного обмена. Совершенно естественно напрашивается вывод о соответствии термина «новые куны» каким-то специфическим формам денег, имеющим внутренний характер.

Действительно, если вернуться к тому моменту, когда источники впервые фиксируют появление «новых кун», т. е. к 30-м гг. XII в., то легко можно сопоставить возникновение «новых кун» с исчезновением из русского обращения серебряных монет, до этого бытовавших на территории Восточной Европы непрерывно на протяжении трех с половиной веков. Обобщивший сведения о русских кладах западноевропейских денариев Н. П. Бауер датирует самый поздний русский монетный клад домонгольского времени 1120 годом (клад из деревни Спанко б. Петергофского уезда, найденный в 1913 г.)[94]. Сопоставление «ветхих» кун с серебряной монетой, с серебром вообще, объясняет причину предпочтения таких кун «новым» кунам, которые уже не могли быть серебряными. «Новые куны», таким образом, можно объяснять как термин для обозначения товаро-денег.

Расчет на серебро предусматривается всеми международными договорными грамотами XIII в. «Марка кун» в них упоминается один раз[95], один раз упоминается и гривна кун (1229 г.) в одном из списков договора смоленского князя Мстислава Давидовича с немцами, но и в этом случае разъяснено, что под кунами следует понимать куны серебряные: «Оже бьють волного человека, платити за голову 10 гривен серебра, а за гривну серебра по 4 гривны кунами или пенязи»[96]. Серебро и в безмонетный период остается основным платежным средством при расчетах с «немцами» и единственной основой денежных расчетов. Обращение к «ветхим кунам» в новгородском договоре 1189–1199 гг. стоит, таким образом, в одном ряду с оговорками других международных актов, свидетельствующих о предпочтении серебра.

Утверждая, что в конце первой трети XII в. происходит важный перелом в русском денежном обращении – смена серебряной монеты товаро-деньгами, мы можем опереться на ряд свидетельств иноземцев и на художественные памятники, подтверждающие существование в это время товаро-денег. Так называемый безмонетный период русского денежного обращения окончательно устанавливается в 20—30-х гг. XII в. Об обращении меховых денег Низами и Ахмед Тусский писали в XII в., сообщение Рубруквиса относится к XIII в., Жильбер де Ланноа наблюдал такие деньги в Новгороде в начале XV в.[97]

Единственным свидетельством более раннего времени является сообщение Ибн-Русте, писавшего в 20-х гг. X в. о жителях волжского Булгара: «Главное их имущество – куницы. У них нет денег… дирхемы у них – куницы, причем одна куница обращается среди них (по цене) в два с половиной дирхема… белые круглые дирхемы привозятся из областей ислама и они их покупают»[98]. Ибн-Русте сообщает не только об отсутствии у болгар собственной монеты, но и о том, что они пользовались монетой иноземной. Он не приводит каких-либо сравнений степени распространенности меховых денег и «белых круглых дирхемов, привозимых из стран ислама». Его сообщение ни в коей мере не может рассматриваться как свидетельство «всеобщности» меховых денег в монетный период и отсутствия в то время монетного обращения. Оно говорит лишь о том, что обращение товаро-денег, свойственное

[94] Бауер Н. П. Денежный счет Русской Правды. С. 217.

[95] Грамоты Великого Новгорода и Пскова. С. 59 сл.

[96] Русско-Ливонские акты, собранные К. Е. Напьерским. Т. I. Д1

[97] Некоторые художественные памятники XV–XVI вв. являются уже ретроспективными и представляют лишь результат осмысления древней терминологии.

[98] Ковалевский А. П. Чуваши и булгары по данным Ахмеда ибн-Фадлана. С. 46.

XII–XIV вв., существовало в какой-то степени и в более раннее время наряду с обращением иноземной серебряной монеты.

До конца первой трети XII в. слово «куна» на Руси применяется к серебряной монете[99]. Важно отметить и то, что, применяя этот термин в последующее время к товаро-деньгам, источники оговаривают разницу лишь в редких и очень специфических случаях. К числу последних относятся цитированные места междукняжеских договоров; к ним же можно отнести и любопытное противопоставление, содержащееся в Новгородской Синодальной летописи под 1209 г.: «…повелеша на новгородцих сребро имати, а по волости куры (куны. – В. Я.) брати»[100]. Письменные источники внутреннего русского денежного обращения XII – первой половины XIII в. не знают различия между старой и новой гривнами кун по стоимости. Пространная Правда, синхронная мирному договору 1189–1199 гг., оперирует суммами, которые выражены в гривнах кун или в гривнах кунами, не оговаривая каких-либо отличий, отмеченных договорами. При этом ставки штрафов за одинаковые преступления детально совпадают со ставками в договорах, где счет ведется на старые гривны. Это и позволяет заключить, что гривна кун того времени имела две формы, выражающие одну и ту же стоимость в разном материале. Пересчет гривны кун на серебро давал старую метрологическую величину.

Изложенные наблюдения открывают возможность более простых расчетов величины гривны кун, имевшей, таким образом, одинаковый теоретический вес на всем протяжении XI, XII и первой половины XIII вв. Установлению величины этой гривны способствует то, что она в некоторых памятниках XII–XIII вв. поставлена в соотношение с еще одной денежной единицей – гривной серебра. Сообщение смоленского договора 1229 г. – «а за гривну серебра 4 гривны кунами» – выше уже цитировалось. То же соотношение (1:4) устанавливается сравнением статей одинакового содержания в Русской Правде и в Новгородском мирном договоре 1189–1199 гг.:

1. Аже убиеть мужь мужа…, то положити за голову 80 гривен. Аще ли будеть… купець… то 40 гривен положит за нь[101].

А оже убьють Новгородца посла за морем или Немецкыи посол Новегороде, то за ту голову 20 гривен серебра. А оже убьють купчину Новгородца или Немчина купчину Новегороде, то за ту голову 10 гривен серебра[102].

Решение вопроса о величине гривны кун и самой куны упирается, таким образом, в установление величины гривны серебра. Под последней, существование которой отмечено уже источниками XII в., можно понимать только серебряный слиток, единственную серебряную единицу русского денежного обращения, известную в кладах XII – первой половины XIV в.

На связь гривны серебра именно со слитком указывает целый ряд летописных свидетельств. В частности, в Ипатьевской летописи под 1288 г. сообщается, что волынский князь Владимир Василькович «блюда великаа сребрянаа и кубькы золотые и серебряные сам перед своима очима поби и полья в гривны»[103]. Летопись применяет термин «гривна» к слитку[104]. Решив сперва вопросы метрологии слитков-гривен, мы можем более уверенно перейти к

[99] Ср. также сообщение Повести временных лет под 6576 (1068) г.: «Двор жь княжь разграбиша, бещисленое множьство злата и сребра, кунами и белью». Повесть Временных Лет. Ч. I. М.; Л., 1950. С. 115.

[100] Новгородская I летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 51; ср.: Там же. С. 248.

[101] Тихомиров М. Н. Пособие для изучения Русской Правды. С. 87.

[102] Там же. С. 130.

[103] Летопись по Ипатьевскому (Ипатскому) списку под 6796 г. СПб., 1871. С. 601.

[104] Упоминание золота в приведенном контексте также может быть поставлено в непосредственную связь со слитками, так как письменные источники неоднократно называют «гривну золота», а по русским кладам хорошо известен и золотой слиток. См.: Бауер Н. П. Денежный счет Русской Правды. С. 236 и сл.

исследованию метрологии монет-кун, хотя сами слитки составляют более позднюю, чем монеты, форму русского денежного обращения.

Как уже отмечалось выше, И. И. Кауфман определял вес гривны серебра в 96 золотников, подразумевая при этом никогда не существовавшие в действительности слитки серебра фунтового веса. Обращение к фактическому вещественному материалу русского денежного обращения XII–XIII вв. устанавливает, что Древняя Русь знала в этот период в основном только два рода денежных слитков: продолговатый слиток так называемого северного веса, по своей норме близкий полуфунту (такой же вес имеют так называемые «черниговские» слитки, а также часть шестиугольных слитков), и южный шестиугольный слиток весом около 160 г (такой же вес имеют некоторые продолговатые слитки)[105]. Но приведенные свидетельства договоров могут относиться только к «северному» слитку; только к нему следует относить и сообщение Ипатьевской летописи: несмотря на то, что в ней идет речь о территории Волыни, прекрасно знакомой с шестиугольным слитком, время действия относится к тому моменту, когда южный слиток уже вышел из обращения и вся Русь пользовалась так называемыми слитками «северного веса».

Следовательно, установить величину гривны серебра мы можем, выяснив вес «северных» слитков. Уже указывалось, что Н. П. Бауер считал их весовую норму (за которую он принимал норму среднего веса) равной 197 г, а Г. Б. Федоров настаивал на падении весовой нормы слитка от 204,756 г в XII в. до 195 г в XIV в. Исчисляя норму среднего веса слитков разного времени, мы можем проверить оба эти предположения. Хронологическая классификация русских денежных слитков и сводка всех данных о весовых показателях были опубликованы Н. П. Бауером[106]. Им приведены сведения о весе 118 экз. «северных» слитков XI – начала XIII в.[107], 203 экз. таких же слитков XIII в.[108] и 279 экз. гривенных слитков XIV в.[109] Расчет среднего веса дает следующую картину:

Дата слитков	Общее количество	Вес (*г*)	
		общий	средний
XI – нач. XIII в.	118	23389,19	198,21
XIII в.	203	40239,26	198,22
XIV в.	279	55058,52	197,30

Цифры наглядно показывают, что норма слитка остается неизменной на протяжении всего периода его существования. Разница в весе слитков XIV в. и более ранних, составляющая менее 1 г, ничего не меняет. Эта норма не имеет ничего общего с той, которая была выведена Н. П. Бауером. Во всех случаях она превышает последнюю. Учитывая неизбежный угар серебра при литье слитков, мы можем их теоретическую норму связывать только с полуфунтом (204,756 г); любая другая величина не была бы метрологически обоснованной. Обращаясь к диаграммам указанных хронологических групп слитков (рис. 1–3), мы видим, что всюду наивысшим показателем закономерного веса являются 202–204 г. Более тяжелые отклонения единичны и не могут быть приняты в расчет.

[105] Так называемые «литовские» слитки, приходившие на Русь из Прибалтики, для Руси должны рассматриваться лишь как форма серебра; весовые нормы их с русскими системами не связаны.

[106] Bauer N. Die Silber– und Goldbarren des russischen Mittelalters.

[107] Ibid. S. 36–42; примеч. 1, s. 42.

[108] Ibid. S. 46–50; примеч. 2, s. 50.

[109] Ibid. S. 52–58; примеч. 1, s. 58

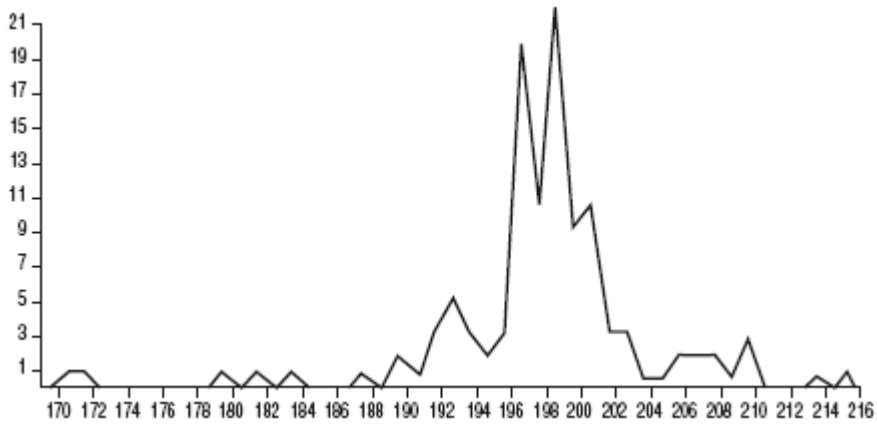

Рис. 1. Весовая диаграмма слитков северного веса XI – начала XIII в. По 118 экз., опубликованным Н. П. Бауером в книге «Die Silber– und Goldbarren des russischen Mittelalters»

Установленное выше соответствие гривны серебра 4 гривнам кун дает возможность произвести расчет величины этих последних, а также расчет величины фракций гривны кун.

Гривна кун = гривне серебра: 4 = 204,756 г: 4 = 51,19 г.

Для времени Краткой Правды (XI в.) гривна кун (51,19 г) = 20 ногатам (по 2,56 г) 5 25 кунам (по 2,05 г) = 50резанам (по 1,02 г).

Для времени Пространной Правды (XII–XIII вв.) гривна кун (51,19 г) = 20 ногатам (по 2,56 г) =50 кунам или резанам (по 1,02 г).

Теоретическим нормам веса гривны и ее фракций, установленным по памятникам XI–XIII вв., в XI и начале XII в., по-видимому, должны были соответствовать реальные весовые нормы западно-европейских серебряных монет, обращавшихся в то время на территории северной Руси. Ниже это предположение будет проверено и подтверждено.

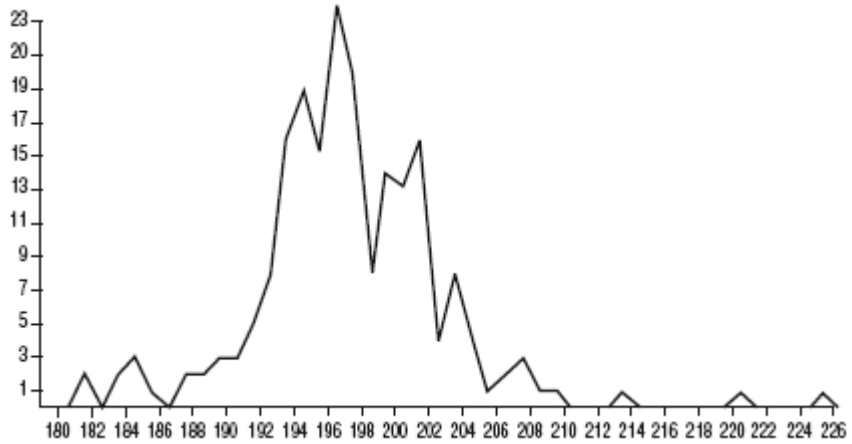

Рис. 2. Весовая диаграмма слитков северного веса XIII в. По 203 экз., опубликованным Н. П. Бауером в книге «Die Silber– und Goldbarren des russischen Mittelalters»

Еще до обращения к изучению веса монет мы имеем все основания предупредить против априорного распространения весовых норм XI–XII вв., соответствующих периоду обращения западноевропейского денария, на русское денежное обращение более раннего времени. IX и X вв. денария еще не знают. Этот период является временем повсеместного распространения куфического дирхема, и переход от дирхема к денарию не мог происходить как простая смена в обращении безликих монетных масс, тем более, что он в значительной степени является отражением перестройки главнейших внешнеторговых связей Древ-

ней Руси. Последнее обстоятельство не могло не привести Древнюю Русь в более тесное соприкосновение с кругом весовых единиц Запада. Какими бы ни были нормы приема денария в этой торговле – счетными или весовыми, сопровождая монету, они могли вызывать те или иные изменения в структуре русской денежно-весовой системы.

Несоответствие теоретической величины гривны, выведенной выше для XI в., в применении к системе X в. обнаруживается с полной очевидностью, если обратиться к единственному письменному источнику X в., в какой-то степени дающему возможность говорить о денежно-весовой системе этого раннего времени, – договорам с греками.

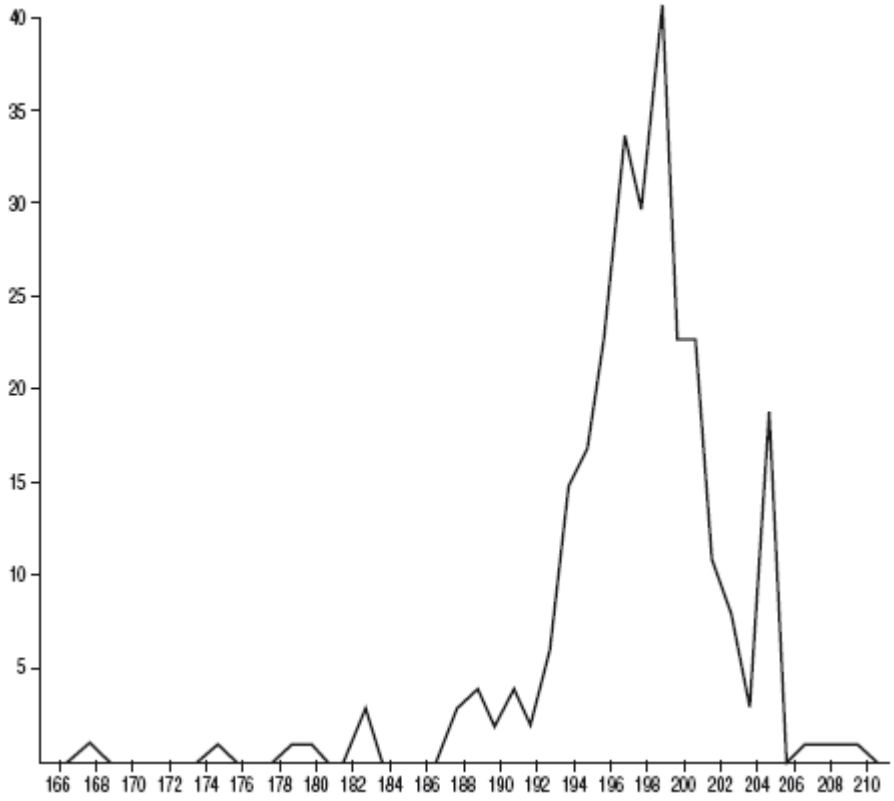

Рис. 3. Весовая диаграмма слитков северного веса XIV в. По 279 экз., опубликованным Н. П. Бауером в книге «Die Silber– und Goldbarren des russischen Mittellalters»

В обоих договорах – 911 и 945 гг. – за нанесение удара «мечем, или …кацем любо съсудом» полагался штраф в 5 литр серебра: «до того деля греха заплатить серебра литр 5, по закону Русскому»[110]. «Закон Русский», под которым можно понимать только обычное русское право X в., был записан впервые в первой половине XI в. Уже в наиболее ранней его редакции «Древнейшей Правде», время возникновения которой М. Н. Тихомиров относит к 1036 г.[111], имеется статья, довольно близко соответствующая месту, цитированному из договоров с греками: «Аще ли кто кого ударить батогом, или жердью, или пястью, или чашею, или рогом, или тылеснею, то 12 гривен… Аще утнеть мечем, а не вынез его, любо рукоять(ю), то 12 гривн за обиду»[112].

Сопоставление штрафов в византийском и русском весовом выражении дает следующее равенство: 5 литр = 12 гривнам.

---

[110] Договоры русских с греками и предшествовавшие заключению их походы русских на Византию. Ч. I. М., 1912. Табл. 5; Ч. II. С. 12.

[111] ТихомировМ. Н. Исследование о Русской Правде. М.; Л., 1941. С. 48–61.

[112] Тихомиров М. Н. Пособие для изучения Русской Правды. С. 76, ст. 3, 4.

Если посчитать за гривну X в. теоретическую величину гривны, выведенную выше для XI в., то результат получится следующий:

$$\text{литра} = \frac{12 \text{ гривен}}{5} = \frac{51{,}19 \text{ г} \times 12}{5} = 122{,}86 \text{ г}.$$

Полученная величина литры не находит никакого соответствия ни в письменных, ни в вещественных источниках и является совершенно фантастической.

Однако и подстановка в это уравнение величины хорошо известной по литературе византийской литры весом 327,456 г не давала реальных результатов. Попытки вычислить величину русской гривны X в. таким путем были предприняты в свое время П. С. Казанским[113], П. Н. Мрочек-Дроздовским[114], В. О. Ключевским[115], а в советское время Н. П. Бауером[116]. Подстановка в уравнение указанной величины литры определяет искомую норму гривны в 136,44 г. Расчет фракций полученной таким образом «гривны» – куны (1/25), ногаты (1/20), резаны (1/50) – давал соответственно величины: 5,45 г, 6,82 г, 2,48 г. Куны, ногаты и резаны получались настолько тяжеловесными и несоответствующими реальным весовым данным монет, встречающихся в кладах X в., что сама возможность полного сопоставления данных Договоров и Русской Правды была взята под сомнение.

Наиболее сжато скептический взгляд на возможность полного соответствия был сформулирован В. И. Сергеевичем: ««По закону Русскому» относится не к определенному количеству литр, как это уже было замечено Эверсом, а к денежной плате вообще, так как по греческим законам оскорбление действием наказывалось иначе»[117]. Не менее последователен и скептицизм И. И. Кауфмана. Последний в обоснование своего мнения о том, что «попытки привести домонгольскую гривну в связь с византийской литрой» совершенно не состоятельны и далеко не заслуживают «той чести, которая им оказывается в нашей исторической литературе»[118], обратил внимание на серьезные разночтения разбираемого места договоров в разных редакциях летописи. Сумма штрафа, показанная в договоре 945 г., не всегда выражается 5 литрами. В некоторых редакциях летописи вместо пяти стоит десять литр. И. И. Кауфман воспользовался этим разночтением только для того, чтобы взять под сомнение достоверность летописного свидетельства вообще[119]. Пути и причины возникновения разночтений не были им исследованы.

Необходимости подобного исследования у И. И. Кауфмана и не могло возникнуть, т. к. его вывод был принципиально предрешен сочувственным цитированием работы В. И. Сергеевича. Между тем, предположение последнего о возможности неконкретного сопоставления статей закона кажется мало вероятным. В толковании В. И. Сергеевича, «закон Русский» устанавливает такие принципы, как кровная месть или денежный штраф. Конкретные же нормы ответственности за преступление являются для него якобы делом второстепенным. Такое толкование «закона Русского» как нормы, допускающей произвольное изменение ставок штрафа, или как права, допускающего абстрактное решение и безразличного к размеру штрафа, совершенно несовместимо с самими принципами раннефеодального права. Если это так, то дальнейшие поиски в решении нашего уравнения необходимы.

---

[113] Казанский П. С. Указ. соч. С. 114.

[114] Мрочек-Дроздовский П. Н. Указ. соч. С. 74.

[115] Ключевский В. О. Курс русской истории. Ч. I. Пг., 1918. С. 267.

[116] Бауер Н. П. Денежный счет Русской Правды. С. 211–212.

[117] Сергеевич В. И. Лекции и исследования по древней истории русского права. 4-е изд. СПб., 1910. С. 654.

[118] Кауфман И.И. Русский вес… С. 168–169.

[119] Там же.

Разночтения, отмеченные И. И. Кауфманом, дают возможность направить эти поиски по другому руслу.

Тексты договоров 911 и 945 гг. приведены в девяти редакциях русской летописи: Лаврентьевской, Ипатьевской, Новгородской IV, Новгородской V, Софийской I, Воскресенской, Тверской, Львовской и Типографской. Чтение «10 литр» содержится в трех редакциях: Новгородской IV, Новгородской V и Софийской I (во всех списках последней, за исключением списка Царского), т. е. во всех новгородских редакциях «Повести временных лет» и только в них. Важной особенностью новгородского летописания является то, что оно использовало «Повесть временных лет» не во второй редакции (Сильверста), легшей в основу всех остальных русских летописей, а в третьей редакции (Мстислава), относящейся к 1118 г.[120]

Следовательно, чтение «5 литр» является первоначальным, а разночтение появилось только в начале XII в. Но оно не может быть объяснено простой ошибкой переписчика – настолько различны написания цифр Е (5) и I (10). Более вероятным кажется предположение о сознательной замене цифр редактором «Повести». Замена эта, однако, не могла не быть ошибочной, т. к. пропорция

$$\text{гривна} = \frac{327{,}456\ г \times 10}{12}$$

дает еще более невероятное решение, определяя вес русской гривны X в. в 272,88 г, а вес ее фракций – в 10,90 г (куна), 4,96 г (резана) и 13,64 г (ногата)!

Причина замены, таким образом, могла быть вызвана не действительным несоответствием первоначальных 5 литр 12 гривнам, а каким-то недоразумением в терминологии. Единственное объяснение этому недоразумению может заключаться в том, что домонгольская Русь наряду с византийской литрой знала другую, более привычную, ошибочный пересчет на которую и был сделан Мстиславом.

Если Мстислав принял первоначальные «5 литр» «Повести» за византийские, то удваивая их количество, он засвидетельствовал существование на Руси другой литры, которая была ровно вдвое меньше византийской. Но допустим, что ошибочность его поправки заключается в том, что первоначальный текст «Повести» имел в виду уже не византийские, а как раз малые литры, вдвое меньшие по весу.

Подстановка величины такой малой литры (163,728 г) в первоначальное уравнение

$$\text{гривна} = \frac{163{,}728\ г \times 5}{12}$$

дает величину гривны в 68,22 г, а величину ее фракций – куны, ногаты и резаны – соответственно в 2,73 г, 3,41 г и 1,36 г.

Существуют ли какие-либо основания, кроме приведенных выше, чтобы предполагать бытование в древней Руси домонгольского времени литры, равной 1/2 византийской литры?

Слиток с таким весом был в значительной степени распространен в домонгольское время в южной Руси. Это известная шестиугольная «киевская гривна». Топографическое размещение кладов и отдельных находок этих слитков дает очень незначительную территорию: они сосредоточены на Киевщине и прилегающих к ней частях Волыни, Полтавщины, Черниговщины и Смоленщины (подробно см. рис. 48). Вопрос о происхождении веса этой гривны и об его теоретической норме в литературе чрезвычайно запутан. Для характери-

[120] Повесть временных лет. Ч. 2. М.; Л., 1950. Схема взаимоотношения основных летописных сводов, включивших в свой состав «Повесть временных лет» – табл. в конце книги.

стики сущности разногласий в оценке природы этого слитка следует остановиться на двух работах последних лет, которые излагают основные точки зрения по этому вопросу.

Г. Б. Федоров, признавший шестиугольный слиток своего рода международной монетой, отмечает: «Правильным… является высказанное еще В. Н. Татищевым и разделяемое почти всеми последующими исследователями мнение, что киевская гривна в 36 зол. возникла под влиянием торговых сношений с Византией и для этих сношений; по своему весу она являлась половиной греческой литры в 72 зол.»[121].

Б. А. Романов придерживается иного взгляда: «Средний вес этих слитков, – пишет он, – 159 г (от 135 до 169 г). Форма их очень однообразная и потому чрезвычайно пригодная для обращения их в качестве денег; она несомненно автохтонна. Сказать это же об их весе никак нельзя. Обычно его выводят из половинной римской либры или византийской литры. В начале XX в. это мнение стало оспариваться, с чем следует согласиться, так как половинный вес либры нигде и никогда не встречался, да он к тому же и выше 159 г»[122]. Далее Б. А. Романов сближает полученный им средний вес шестиугольного слитка с некоторыми западноевропейскими весовыми единицами[123].

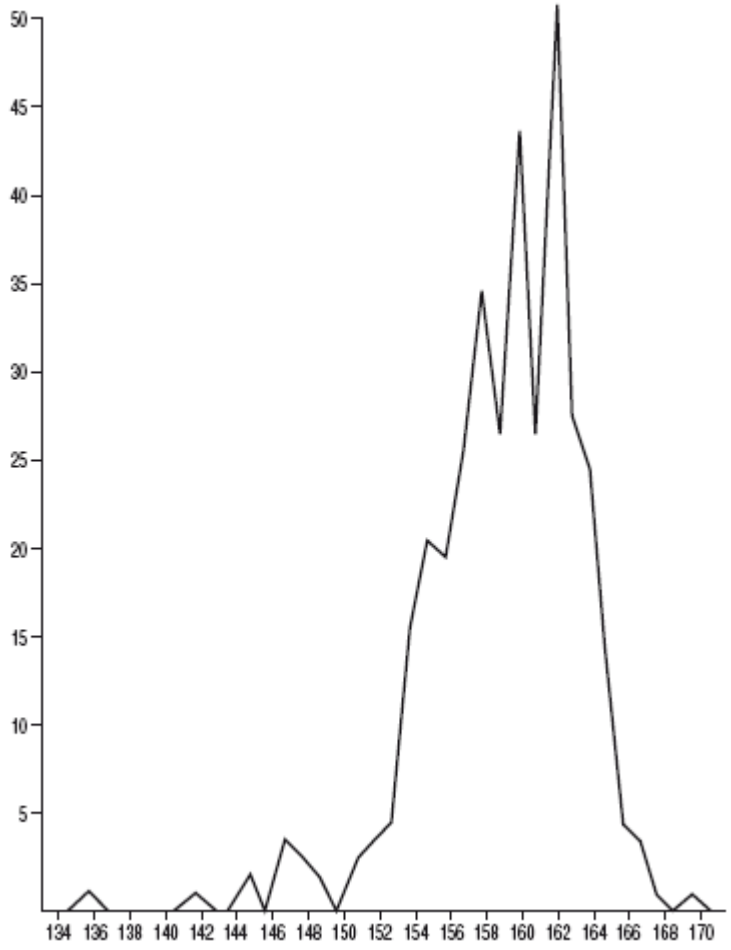

Рис. 4. Весовая диаграмма шестиугольных слитков. По 372 экз., опубликованным Н. П. Бауером в книге «Die Silber– und Goldbarren des russischen Mittelalters»

[121] Федоров Г. Б. Указ. соч. С. 145.

[122] Романов Б. А. Деньги и денежное обращение. С. 392.

[123] Романов Б. А. Указ. соч. С. 392 и сл.

Попутно можно отметить также курьезное мнение И. И. Кауфмана, который считал шестиугольный слиток татарским и равным 36 золотникам (т. е. 153,36 г)[124].

Ни с одним из этих мнений, в том виде как они изложены в указанных работах, согласиться невозможно.

Прежде всего, шестиугольный слиток никогда не весил 36 золотников. Как это показано на весовой диаграмме (рис. 4), из 372 таких слитков, индивидуальный вес которых был выяснен Н. П. Бауером[125], только 16 слитков имеют точный вес 153–154 г. Из остальных лишь 25 весят меньше этой предполагаемой нормы, а 331 превосходит ее по весу. Выведенный Б. А. Романовым средний вес слитка (159 г) также фиктивен. Основная масса слитков имеет вес от 156 до 164 г, причем 156 экз. – почти половина всего материала – превосходят по своему весу выведенную Б. А. Романовым норму. Действительная норма таких слитков заключена в пределах 161–164 г (104 экз.), что точно совпадает с нормой 1/2 византийской литры (= 163,73 г).

Таким образом, мнение, приведенное Г. Б. Федоровым, правильно в части, касающейся соотношения шестиугольного слитка и византийской литры, но фактическое обоснование этого вывода ошибочно. Поскольку 1/2 византийской литры не была равна 36 золотникам, постольку и сама византийская литра не могла весить 72 золотника, как это утверждает, вслед за В. Н. Татищевым, Г. Б. Федоров. Это заблуждение основано на известном определении литры, данном в памятнике начала XVII в. – «Торговой Книге»: «В литре малых пол 2 гривенки, а золотников в литре 72 золотника, денгами весит 4 рубля с полтиною»[126]. Приведенное положение не имеет отношения к византийской литре, бытовавшей во времена Киевской Руси. В византийской литре не содержалось 72 золотников – из нее чеканились 72 золотые монеты, которые в русских летописях назывались златницами, но величине русского весового золотника, определившегося к тому же как весовая единица позже времени обращения шестиугольного слитка, не равнялись[127]. Вес их был 4,548 г, т. е. почти на 0,3 г больше русского золотника. Хотя эти данные фигурируют в литературе уже около пятидесяти лет, отмеченное заблуждение разделяется, как указано, и современными исследователями.

В свете изложенного выше, связь шестиугольного слитка с половиной византийской литры представляется наиболее правильной. Выше были приведены соображения, согласно которым шестиугольный слиток терминологически связывается с понятием «литра». Только это название и применялось, по-видимому, к нему в домонгольской Руси, т. к. источники, относящиеся ко времени бытования на Руси и слитков «северного» веса, и шестиугольных слитков, не знают различных гривен. Термин «гривна серебра» мог поэтому применяться только к слиткам северного веса.

Нельзя не отметить, что связь киевского слитка с термином «литра» была известна еще С. И. Шодуару, на основании каких-то неизвестных нам письменных источников (ссылка отсутствует). «Киевская гривна, – пишет он, – получила свое начало от Греческой Литры и иногда означается сим названием, например, в старинных счетах (арифметиках)»[128].

Выяснив существование в домонгольской Руси XI–XIII вв. весовой гривны в 51,19 г и в более раннее время гривны весом в 68,22 г, мы отмечаем существование в XII–XIII вв., а может быть, и в несколько более ранний период слитка весом 163,73 г, который не связывается с обеими гривнами по системе русского денежного счета. Письменные источники чрезвычайно скупо отмечают существование этой третьей системы, однако нельзя

[124] КауфманИ.И. Русский вес… С. 130.

[125] Bauer N. Die Silber– und Goldbarren. S. 25–32.

[126] Торговая Книга // Зап. отд. рус. и слав. археол. имп. Археол. об-ва. Т. I. СПб., 1851. Отд. 3. С. 114.

[127] Кауфман И. И. Русский вес… С. 163; Энциклопедия «Брокгауз—Ефрон», ст. «Литра».

[128] Шодуар С. И. Обозрение русских денег и иностранных монет, употреблявшихся в России с древних времен. С. 96.

и сказать, что они вообще молчат о ней. Источники называют литру, о связи которой с шестиугольным слитком уже говорилось. О местных различиях денежных систем свидетельствует также упоминание в Смоленском договоре 1229 г. «смоленской куны» и «смоленской ногаты»[129]. Упоминания этих терминов не дают возможности сколько-нибудь подробно говорить о структуре системы южного слитка. Однако мы знаем его вес, и это в дальнейшем позволит отыскать уже в вещественном материале такие группы памятников, вес которых находится в рациональном отношении к весу киевского слитка.

Несколько слов необходимо сказать о покупательной способности фракций гривны, поскольку это необходимо для правильного представления о том, какую сферу товарно-денежного обращения эти фракции обслуживали.

Вопрос о ценах в домонгольской Руси является очень сложным. Упоминания цен в летописях и актах не редки; однако сама специфика упоминаний весьма затрудняет их исследование. Летопись обычно называет цены для характеристики голодных лет и дороговизны, поэтому ее свидетельства мало способствуют выяснению нормальных рыночных цен. Русская Правда, как правило, имеет дело не с ценами, а со штрафами, которые не могут быть привлечены для нашей цели. Наиболее важными оказываются свидетельства договоров или таких установлений, как «Покон вирный», где речь идет об оплате в нормальных условиях. «Покон вирный» оценивает сыр в резану, рыбу в 7 резан (количество не указано, но речь идет о дневном рационе для одного человека). Печеный хлеб в XIII в. ценился в две куны (= 2 резанам)[130]. Эти примеры говорят об использовании мелких фракций гривны в сфере розничного мелкого обращения. Городской торг, так живо обрисованный рассказом Печерского Патерика, был основным местом приложения кун, ногат, резан и вевериц.

[129] Русско-Ливонские акты, собранные К. Е. Напьерским. С. 436.

[130] Аристов Н. Промышленность древней Руси. СПб., 1866. С. 291. Кроме летописных свидетельств, цену хлеба в 2 куны устанавливает договор Новгорода с немцами 1269 г., согласно которому немцы обязаны были уплачивать лоцманам по 2 куны за печеный хлеб (Памятники истории Великого Новгорода / Под ред. С. В. Бахрушина. М., 1909. С. 65, V).

Глава III
Некоторые общие вопросы монетного обращения домонгольской Руси

Теоретические расчеты величины основных русских денежно-весовых единиц должны выдержать проверку на метрологии массового монетного материала, к обзору которого мы переходим.

Нам придется иметь дело с тремя основными группами иноземных монет, бытовавших на Руси в IX–XI вв. и использовавшихся восточными славянами в качестве средства местного денежного обращения. Наиболее многочисленную группу составляют куфические дирхемы – тонкие серебряные монеты диаметром около 20–25 мм, обе стороны которых покрыты арабскими надписями. Тип куфического дирхема сложился на Востоке в самом конце VII в. и на протяжении четырех веков оставался единственным типом мусульманской серебряной монеты. В центральной части обеих сторон дирхема помещены строчные легенды, содержащие благочестивые изречения и имена правителей, в обязательных круговых легендах этих монет – продолжения изречений и наиболее существенные для нас сведения о месте и годе чеканки монеты.

Малочисленную, но характерную для определенного периода группу монет составляют сасанидские драхмы, более толстые серебряные монеты, несущие на одной стороне изображение жертвенника и стоящих по его сторонам человеческих фигур, а на другой стороне – портрет сасанидского царя. На этих монетах также помещены имена правителей и даты чеканки, осуществлявшейся в V – начале VII в. (более ранние сасанидские монеты для наших кладов нехарактерны). К той же группе следует отнести и более поздние монеты испегбедов и арабских наместников Персии середины – второй половины VIII в., использовавших в чеканке сасанидский тип. Эти монеты более тонкие, чем сасанидские. Размер сасанидских и испегбедских монет близок размеру куфического дирхема.

Наконец, третью и весьма многочисленную группу составляют западноевропейские денарии X–XI вв. – небольшие, менее 20 мм в диаметре тонкие серебряные монеты, несущие на себе изображения чеканивших их правителей, различных религиозных эмблем и надписи о месте чеканки. Последние иногда отсутствуют и заменяются именами герцогов или святых. Дат на денариях нет, и хронологическое их определение является более суммарным, нежели определение дат дирхемов.

Особую группу составляют также византийские милиарисии с греческими надписями и с изображением императора (часто с соправителем), а с VIII в. – с изображением «голгофского креста», но они в русских кладах чрезвычайно редки. Их малочисленность противоречит той роли в процессе формирования русского денежного обращения, какую византийскому милиарисию отводили некоторые авторы[131].

Прежде чем приступать к детальному изучению всех этих монет в русских кладах, нам следует обратиться к некоторым общим вопросам, имеющим не только методическое значение, но важным и для характеристики монетного обращения домонгольского времени в целом.

---

[131] См.: Тизенгаузен В. Монеты Восточного Халифата. СПб., 1873; Он же. О саманидских монетах // Зап. Археол. общества. VI. СПб., 1855; A. Be Markoff. Catalogue de monnaies arsacides, subarsacides, sassanides, dab-weihides, ainsi que des pieces frappees par les ispehbeds du Tabaristan ets. SPb., 1889; Dannenberg H. Die deutschen M?nzen der Sachischen und Fr?nkischen Kaiserzeit. Berlin, 1876–1888; Keary. A catalogue of English Coins in the British Museum. Anglo-saxon series. 1893; Sabatier /.Description generale des monnaies byzantines ets. V. I–II. Paris, 1862.

Обращаясь к монетному материалу, нам постоянно придется иметь дело с его хронологическим анализом. В связи с этим необходимо найти вполне определенную точку зрения в вопросе о принципах датирования монетных комплексов – кладов. Точно так же целесообразность метрологического анализа монетного материала станет для нас несомненной лишь после того, как будет твердо установлен сам характер приема иноземной монеты в русском денежном обращении.

Принципы датирования монетных кладов

Хронологическое изучение состава монетных кладов является основой, на которой строится настоящее исследование. Эволюция денежно-весовых систем должна находить отражение в весовых нормах монет, сменявшихся в обращении. Но метрологическое изучение этих норм только в том случае будет правильным и плодотворным, если удастся выяснить, какие именно группы монет преобладали в обращении в то или иное время и как происходило выделение новых преобладающих монетных групп.

Располагая датами выпуска, обозначенными на самих монетах русских кладов, мы стоим перед задачей – в закономерности состава кладов найти новый смысл этих дат для наших целей, т. е. для достаточно обоснованного определения хронологии обращения тех или иных видов монет на Руси. Сравнительное изучение состава монетных кладов в его динамике, таким образом, преследует сразу две цели: оно дает основание для точной датировки кладов и выясняет эволюцию состава денежного обращения.

Классические труды Р. Р. Фасмера по периодизации обращения куфических монет в Восточной Европе[132] предопределяют методику исследования хронологических изменений в составе русских кладов, примененную в настоящей работе. Р. Р. Фасмер обосновал периодизацию русских кладов IX – начала XI вв. Он выяснил, что состав русских кладов изменялся закономерно, что кладам одного и того же времени присущи общие закономерности их состава, и наоборот, разновременные клады резко отличаются в этом отношении. Установив, что клады IX в. по преимуществу слагаются из аббасидских монет, а клады X в. состоят в первую очередь из саманидских, Р. Р. Фасмер отметил, что их состав существенным образом изменялся и внутри этих крупных хронологических подразделений. Он выделил период преобладания в течение первой четверти IX в. в кладах аббасидской монеты африканского чекана, тогда как в период с конца первой четверти IX в. до начала X в. безраздельно господствуют в обращении уже азиатские монеты Аббасидов. Затем наступает период обращения исключительно саманидских монет, продолжавшийся с начала X в. до 960-х гг., и наконец, последний период обращения дирхема (960—1014 гг.), который характеризуется внедрением в русское обращение заметного количества монет Бувейхидов и Зияридов при продолжающемся господстве дирхемов саманидского чекана.

Поскольку Р. Р. Фасмер основывал свое деление исключительно на внешних признаках, даже не ставя вопроса о том, как особенности состава кладов отражают развитие русской денежной системы в разные периоды, и не связывая непосредственно эволюцию состава денежного обращения, прослеживаемую по составу монетных кладов, с историей самого денежного обращения, его периодизация отличается известной условностью. Однако значение ее трудно переоценить. Создав ее, Р. Р. Фасмер установил то основное, без чего углубленное изучение денежного обращения Руси было бы немыслимо.

---

[132] Фасмер Р. Р. Клад куфических монет, найденный в Новгороде в 1920 г. // Изв. РАИМК. Т. IV. Л., 1925; Он же. Завалишинский клад куфических монет VIII–IX вв. // Изв. ГАИМК. Т. VII. Вып. 2. Л., 1931; Он же. Два клада куфических монет // Тр. Нумизмат. комисс. ГАИМК. Вып. VI. Л., 1927; Он же. Об издании новой топографии находок куфических монет в Восточной Европе // Изв. АН СССР. Отд. общ. наук. 1933. № 6–7; Он же. Em neuer M?nzfund des elften Jahrhunderts in Estnischem Privatbesib. Sitzungsb. des Gelehrten Estnisch. Ges. 1934. Tartu, 1936. S. 155–223.

Значение открытий Р. Р. Фасмера становится особенно наглядным, если обратиться к общим историческим работам и специальным нумизматическим трудам, касающимся не только проблемы датировки русских монетных кладов, но и более общих вопросов истории русского денежного обращения.

Вопрос о приемах и принципах датировки монетных кладов в литературе ставился неоднократно. Он, в частности, имеет решающее значение для датировки тех монет, которые не несут на себе дат. Поэтому споры о приемах датировки кладов достигли наибольшей остроты в дискуссии о не имеющих даты выпуска древнерусских сребрениках, которые в ряде случаев были обнаружены в кладах вместе с хорошо датируемыми куфическими и западноевропейскими монетами.

Издавший первый свод русских сребреников И. И. Толстой выдвинул следующие положения для определения даты клада: 1) хронологические границы находимых в кладе монет редко превышают период жизни человека, т. е. 40–50 лет; 2) в составе клада не бывает скачков, и наличие хронологических пробелов в составе того или иного клада указывает, что он не дошел до исследователя целиком; 3) время зарытия клада определяется его позднейшими монетами; 4) в кладе преобладают над другими монеты позднейшие, которые к тому же принадлежат либо той стране, в которой клад был зарыт, либо ближайшей к ней[133].

В лице Н. П. Чернева явился оппонент, выдвинувший на каждое положение И. И. Толстого свое контрположение: 1) «В огромном большинстве случаев клад представляет собой сбережения, сделанные человеком в течение всей его трудовой жизни. Сбережения… накапливались понемногу …часто клад является продуктом деятельности не одного лица, а нескольких поколений, следовательно, его нельзя втискивать в узкие границы человеческой жизни»; 2) хронологические «скачки» в составе кладов «далеко не всегда являются признаком его расхищения… Легко может случиться, что пополнение клада происходит через долгие промежутки времени»; 3) «позднейшие монеты не всегда указывают на время закопания клада… Монеты, составляющие клад, могли долгое время сохраняться вместе с прочим имуществом данного лица и быть зарытыми в землю лишь под влиянием чисто случайных обстоятельств»; 4) «Состав клада зависит от весьма различных обстоятельств и случайностей», а поэтому в нем необязательно должны преобладать поздние монеты или монеты, чеканенные близ места сокрытия клада[134].

Характерно, что эта дискуссия велась по линии чисто логических, а подчас даже «психологических» рассуждений и не сопровождалась анализом фактического материала. Спорящие стороны не иллюстрировали своих положений конкретными примерами и явно злоупотребляли категорической формой. Поэтому гораздо больший интерес представляет продолжение дискуссии, возобновившейся уже в советское время, в 20-х и 30-х гг. Спор был возобновлен Н. П. Бауером, датировавшим клады по младшей монете, и возражавшим ему А. В. Орешниковым[135]. Последний отметил, что диапазон хронологического колебания монет в составе кладов достигает в ряде случаев 211, 218, 298 и даже 368 лет, а русские монеты в кладах встречаются в неизмеримо меньшем количестве, нежели привозные. Указав, что завоз восточных монет на Русь прекратился в 1014 г., А. В. Орешников писал, что куфические монеты «могли быть зарыты 100 лет спустя» после их привоза[136].

---

[133] Толстой И. И. Древнейшие русские монеты великого княжества Киевского. СПб., 1882. С. 191, сл.

[134] Чернев Н. Заметки о древнейших русских монетах // Вестн. археол. и ист. Вып. VII. СПб., 1888. С. 145 и сл. (отд. оттиск, с. 60 и сл.)

[135] Бауер Н. П. Древнерусский чекан конца X и начала XI в. // Изв. ГАИМК. Т. V. Л., 1927; рец. А. В. Орешникова в Seminarium Kondacovianum. T. II. Prague, 1929; Орешников А. В. Денежные знаки домонгольской Руси // Тр. Гос. ист. музея. Вып. 6. М., 1936. С. 31, сл.

[136] Орешников А. В. Денежные знаки домонгольской Руси. С. 31.

Резюмируя возражения, высказывавшиеся по адресу И. И. Толстого и Н. П. Бауера, можно сказать, что главное в них сводилось к тому, чтобы признать за обращавшимися на Руси монетами возможность раз и навсегда оставаться в обращении. Г. Ф. Корзухина в своем капитальном исследовании о русских вещевых кладах обобщила это положение: «…монеты же при отсутствии собственного чекана, раз попав в пределы Руси, имели хождение здесь и несколько столетий спустя после их выпуска»[137]. В работе Г. Ф. Корзухиной это положение нашло заметное применение, поскольку она считает возможным к дате младшей монеты отдельных кладов прибавлять в виде хронологического корректива до сотни лет[138]. В общих положениях ее работы нашли отражение и необычайно широкий хронологический диапазон состава монетных кладов, и черневские «скачки» в их накоплении. Хронологический диапазон вещевых кладов (полтора-два столетия) даже противопоставляется диапазону монетных кладов, причем в качестве «характерного примера» приводится Гнездовский клад 1868 г.,[139] в котором было 20 монет-подвесок (!), относящихся к VI, VIII и X–XI вв.

Разумеется, дошедшие до нас в виде кладов комплексы монет могли составляться в тех или иных случаях и в течение долгого времени, и за очень короткий срок, будучи выхваченными из «живого» обращения. Отсутствие такого деления в построениях Н. П. Чернева и А. В. Орешникова и переоценка фактора длительного накопления являются самым крупным недостатком. При массовом изучении русских кладов очень важно разобраться в том, какие из них действительно являются кладами длительного накопления, а какие сложились в самый короткий срок. Последние представляют наибольший интерес для исследователя, т. к. каждый из них является как бы моментальным фотографическим снимком с состава денежного обращения в тот или иной более или менее точно датируемый период.

А. К. Марков в своей топографической сводке восточных кладов[140] обычно указывал даты самой ранней и самой поздней монет в кладе. На такие-то даты и опирался А. В. Орешников, когда возражал И. И. Толстому и Н. П. Бауеру. Тот же прием применен и Г. Ф. Корзухиной в описании монетной части смешанных кладов. Но при таком подходе, например, Переяславский клад с младшей монетой 1015 г. должен быть назван кладом чрезвычайно длительного накопления, т. к. в нем была обнаружена одна стертая римская монета первых веков н. э. То же можно сказать о Молодинском кладе 1010 г., включавшем в свой состав аршакидскую драхму I в. н. э., да и о всяком вообще кладе, будь он даже самого компактного состава по датам выпуска всей массы его монет, если в нем случайно замешалась хоть одна очень старая монета, что бывает так часто. Отдельные монеты очень ранней чеканки, как известно, задерживаются в обращении при любом характере последнего, но вполне очевидно, что не они определяют лицо монетного состава обращения и в данном случае лицо клада. Кладами длительного накопления следует считать лишь такие, весь состав которых принципиально отличается от состава синхронных им обычных кладов.

Расхождения в вопросе о принципах датировки кладов не имеют характера спора чисто источниковедческого, важного только для решения тех или иных хронологических проблем нумизматики и археологии. Важнее всего здесь то, что датировка кладов решает большие проблемы обращения иноземной монеты на территории Восточной Европы. Если эта монета служила, как утверждают, в основном целям накопления, будут совершенно неизбежны и вполне понятны и широкие границы хронологического состава кладов, и «скачки» в их составе, и все те явления, которые вносят известный произвол и условность в датировку кладов. Приняв положения Н. П. Чернева и А. В. Орешникова, мы должны прийти к выводу

[137] Корзухина Г. Ф. Русские клады IX–XIII вв. С. 15.

[138] Корзухина Г. Ф. Указ. соч. Клады № 12, 13, 18, 36.

[139] Там же. С. 15.

[140] Марков А. К. Топография кладов восточных монет (сасанидских и куфических).

об относительной слабости денежного обращения древней Руси. Если же хронологический диапазон кладов узок, если дата зарытия близко совпадает с датой младшей монеты клада, то состав монетного обращения, следовательно, постоянно обновляется, а это может свидетельствовать только о том, что монета была по преимуществу средством обращения.

Вполне понятно, что процесс обновления состава денежного обращения даже в условиях сравнительно развитого оборота не протекал прямолинейно. О сложности этого процесса на территории Восточной Европы, использовавшей ввозимую иноземную монету, нам придется говорить и дальше; как будет показано, эта сложность определялась не временными возвращениями к использованию монеты как средства накопления по преимуществу, а особенностями состава самих ввозимых монет. Но эти особенности не способны существенно изменить общей характеристики развития денежного хозяйства на Руси.

Работы Р. Р. Фасмера внесли ясность в те явления, в которых принято было видеть отсутствие системы. Сама возможность деления кладов по их составу на хронологические группы уже свидетельствует о движении состава русского денежного обращения, об его систематическом обновлении. Однако, создавая свою периодизацию, Р. Р. Фасмер оставлял в стороне вопрос о характере денежного обращения Древней Руси. Отчасти поэтому его замечательные, плодотворные идеи не вызвали, как можно было бы ожидать, продолжения и развития дискуссии в новом направлении. Авторитет в вопросе о датировании кладов такого выдающегося знатока нумизматики, каким был А. В. Орешников, остался почти непоколебленным.

Правильное представление о хронологии древнерусского монетного обращения может дать только полное изучение состава всех известных к настоящему времени русских монетных кладов домонгольского времени, детальное выяснение изменений в их составе и сравнение кладов, наиболее близких по дате их младших монет.

Результаты изучения хронологического состава русских кладов IX – начала XI в. видны на табл. I, к которой ниже придется постоянно обращаться при подробном разборе состава монетного обращения по периодам. В ней монеты большого числа кладов сгруппированы по десятилетиям их чеканки и указано процентное соотношение числа монет каждого десятилетия к общему количеству поддающихся точному определению монет всего клада. При этом, естественно, в ряде случаев подсчет охватывает не все монеты клада; однако, как было отмечено еще П. Г. Любомировым, стертые дирхемы составляют в русских кладах крайне незначительную часть, которая не может сколько-нибудь заметно изменить общую характеристику клада[141]. В большинстве случаев стертые монеты единичны[142]. В таблице учтены далеко не все зарегистрированные к настоящему времени клады. В большинстве случаев они в литературе описывались настолько кратко, что подсчет монет в них по десятилетиям вовсе не представляется возможным. Такие поверхностные описания долго удовлетворяли нумизматов, а сами клады не сохранялись. Их монеты, как правило, вкладывались в систематические коллекции и обезличивались; восполнить литературные данные о многих кладах, зарегистрированных несколько десятилетий назад, невозможно даже при обращении к музейным коллекциям. В таблицу вошли лишь клады, описанные или сохраненные с полнотой, достаточной для подсчета монет по десятилетиям.

---

[141] Любомиров П. Г. Торговые связи Древней Руси с Востоком в VIII– XI вв. С. 10.

[142] В исключительных случаях неопределимые и неучаствующие в подсчете монеты составляют значительный процент (Мишневский, Шумиловский клады). Однако обилие таких монет вызвано не плохой их сохранностью, а особенностями чеканки, которые сами по себе являются известным хронологическим показателем. В кладах второй половины IX в., в том числе и в упомянутых, заметную группу составляют так называемые «мертвые» монеты с едва проступающими на них надписями, отличающиеся, однако, очень небольшой потертостью (в Мишневском кладе их было 69 на 101, в Шумиловском – 82 на 1326). Отсутствие таких монет в кладах других периодов позволяет думать, что отмеченная небрежность чеканки свойственна второй половине IX в., а не усматривать в них наиболее старые экземпляры, которые должны были бы изменить наше представление об указанных кладах.

Следует учитывать, что клады, с которыми нам постоянно придется иметь дело, даже те, которые были описаны подробно, в некоторых отношениях очень трудно сравнивать между собой. Кладом мы называем любой комплекс монет, некогда зарытых в землю в целях сохранения или случайно попавших в нее. Кладом называют и несколько монет, и комплекс, состоящий из тысяч монет. Понятно, что большие клады полнее отражают состав денежного обращения, характерный для периода их зарытия, а малые дают более суммарные сведения. Однако мы привыкли называть кладом и неполный комплекс монет, а иногда и очень малую часть клада, т. к. утрата той или иной части монет, как правило, расхищаемой находчиками, почти неизбежна.

Можно назвать немало случаев, когда части одного и того же клада, большие и малые, становились известны после более или менее длительного периода и в литературе фигурировали как самостоятельные клады. Тем не менее даже и часть клада способна отражать состав денежного обращения, поскольку изъятие монет не может не носить случайный характер. Утрачиваются не обязательно монеты, изменяющие общую картину клада, а первые попавшиеся, и часть приобретает характер своего рода «пробы», взятой из целого. Поэтому, обращаясь, например, к таким кладам, как пудовые Великолукский или Струповский, из которых до исследователей дошли лишь десятки экземпляров монет, мы вправе относиться к этим остаткам больших кладов если не как к небольшим самостоятельным кладам, то как к части, позволяющей составить общее и достаточно ясное представление о целом. Эту мысль хорошо выразил Н. П. Бауер: «Неумелые руки отберут случайно, а случай сохранит вероятнее всего основное процентное соотношение»[143]. Имея незначительные остатки больших кладов, мы, разумеется, можем и должны их рассматривать лишь на фоне тех кладов, которые дошли до нас в своей основной части.

Весьма сложен вопрос о том, что характерно и важно в составе клада и что случайно и второстепенно. Мы должны стремиться к тому, чтобы выяснить по составу кладов ту определяющую часть состава монетного обращения, которая оказывала непосредственное влияние на развитие денежных систем Руси, и отделить те монеты, которые для обращения тех или иных периодов являются нехарактерными и случайными. Опаснее всего было бы подойти к решению этого вопроса механически.

Примесь ранних монет в обращении того или иного периода может иметь очень различный характер, определяемый в основном по количеству таких ранних монет. Так, например, в начальном периоде обращения дирхема на Руси вместе с «молодой» монетой из обращения Востока приходит довольно много монеты сравнительно старой, которая в течение известного времени наравне с другими, «младшими» монетами более или менее активно воздействует на формирование русского обращения. Начало активной торговли с Русью немало способствовало очищению от ранних монет обращения самого Востока. Позже, когда приток масс все новой и новой монеты делает свое дело, насыщая и изменяя состав русского обращения, те же самые старые монеты «первого призыва», удерживающиеся в обращении во все меньшем числе, переходят в разряд случайной примеси, реликта. Сам состав кладов подсказывает нам, как следует смотреть на те или иные отсталые по дате монеты: когда они составляют более или менее компактную группу, или когда они во многих повторностях предстают перед нами как пережиток прошлого, случайная примесь, уже ни в какой мере не характерная для обращения времени сокрытия клада. Основная, определяющая группа монет клада в своей компактности однородных или различных монет выделяется после хронологического анализа достаточно четко и ясно.

Подходя к анализу русских кладов с целью выяснения обычного хронологического диапазона определяющей части их комплексов, мы можем говорить о том, что для кладов

[143] Бауер Н. П. Древнерусский чекан… С. 316, примеч. 1.

X в. ранняя граница этой части может быть датирована рубежом IX–X вв. Что касается кладов IX в., ранняя граница определяющей группы монет в них по составу кладов не выделяется так же четко, однако вполне понятно, что обращение восточных монет на Руси не могло начаться ранее их ввоза. Последний начинается, как будет показано далее, в конце VIII в., и это уже дает нам нужную датировку.

Формально обобщая материалы, изложенные в таблице, можно было бы утверждать, что теоретически

в течение	130	лет	мог	«накапливаться»	1 клад;
»	120	»	могло	»	4 клада;
»	110	»	»	»	6 кладов;
»	100	»	»	»	4 клада;
»	90	»	»	»	4 »
»	80	»	»	»	4 »
»	70	»	»	»	7 кладов;
»	60	»	»	»	9 »
»	50	»	»	»	7 »
»	40	»	»	»	5 »
»	30	»	»	»	5 »
»	20	»	мог	»	1 клад.

Хронологический диапазон определяющей части кладов, таким образом, не является постоянным. Он сам колеблется от 20 до 130 лет, причем больше половины подсчитанных кладов не подтверждает мнения И. И. Толстого об обычном хронологическом диапазоне клада, якобы равном среднему протяжению человеческой жизни. Н. П. Чернев такие клады, несомненно, посчитал бы за клады длительного накопления, «являющиеся продуктом деятельности не одного лица, а нескольких поколений». Но в действительности огромное, подавляющее большинство таких кладов не принадлежит к числу сокровищ длительного накопления. Все клады второй половины IX в., так же как и большинство кладов второй половины X в., отличаются сравнительно большим хронологическим диапазоном составляющих их монет. Нельзя же на основании этого делать вывод о том, что в первой половине IX в. и в первой половине X в. зарывались исключительно клады, составленные за короткий срок, а во второй половине IX в. и во второй половине X в. – почему-то только клады длительного накопления. Очевидно, что в указанные периоды составу денежного обращения была свойственна меньшая хронологическая компактность материала и существовали определенные причины, в силу которых в обращении удерживалось сравнительно много старой монеты. Вопрос о причинах этого явления будет специально рассмотрен ниже, здесь же важно отметить само наличие указанной особенности.

Здесь очень уместно возразить против злоупотребления термином «длительное накопление» в отношении кладов. Теоретически возможен, конечно, случай, когда клад окончательно сложился в результате последовательного пополнения омертвленного сокровища в течение продолжительного времени. В нем наслаиваются, а точнее – перемешиваются несколько «проб», разновременно взятых из обращения. Однако среди нашего материала можно назвать лишь один такой клад – Новгородский 953 г. Все остальные с 20-, 50– и даже 130-летним диапазоном к числу «скопидомских» сокровищ относить невозможно: их состав, повторяющийся в сериях близких по времени кладов, является составом самого денежного обращения тех эпох, в которые они были сокрыты.

Анализ данных нашей таблицы приводит к выводу об исключительной закономерности движения состава русского монетного обращения в IX – начале XI вв. Последовательность кладов, расположенных согласно дате их младшей монеты, полностью совпадает с последовательностью изменений в общем составе этих кладов, которая благодаря этому представляется чрезвычайно закономерной. Если вносить какие-либо коррективы к показа-

ниям младших монет и датировать отдельные клады с той или иной значительной временной надбавкой, что допускали Н. П. Чернев и А. В. Орешников, вся стройность таблицы, вся ее логика будет опрокинута.

Вполне понятно, что небольшие коррективы в 5—10 лет картины не меняют, но поскольку внесение нами каких-либо поправок неизбежно имело бы характер механический, практически правильнее всего (ввиду малой величины этих коррективов) условно датировать в работе все клады годом их младшей монеты. Такой подход ставит их в равные условия и является более удобным, нежели рискованные в каждом случае поправки.

Датируя клад годом чеканки его младшей монеты, не будем забывать, что между этим годом и временем зарытия клада всегда должен находиться известный промежуток, на который приходится хотя бы путь монеты от места ее изготовления к областям Восточной Европы. Хронологическая последовательность отдельных кладов, близких по датам младших монет, может быть в действительности несколько отличной от последовательности этих дат. Тем не менее корректив не может быть ни большим, ни слишком разным, на что указывает та закономерность, с которой клады, датированные по младшим монетам, расположились в таблице.

Если бы, допустим, из числа 44 подсчитанных монет Пейпусского клада с младшей монетой 863 г.[144], относящегося к тому периоду, когда русским кладам был присущ не только широкий хронологический диапазон, но и преобладание ранних монет над более поздними, случайно не сохранились три младшие монеты, этот клад пришлось бы датировать уже 824 г. Однако, обратившись к другим кладам 820-х гг. и внимательно сравнив их состав с составом Пейпусского клада, мы сразу же обнаружили бы случайное отсутствие в нем поздних монет. В кладах 20-х гг. IX в. явно преобладают монеты 770–800 гг., тогда как в Пейпусском кладе преобладают монеты 790–810 гг., что свойственно и другим подсчитанным кладам 60-х гг. IX в.

Исключительная закономерность смены состава монетного обращения, демонстрируемая таблицей, подтверждает правильность приемов Р. Р. Фасмера, придававшего при датировке кладов исключительное значение показаниям младшей монеты и не допускавшего произвольных коррективов. Приведенный выше пример показывает, что право на какие-либо значительные поправки к дате может дать только тщательное изучение состава кладов, который и является определяющим в окончательной датировке клада.

В подробностях состава монет, образующих клад, отражаются закономерности монетного обращения. Поэтому правильность датировки любого монетного клада может быть достигнута только в том случае, если клад будет изучен на фоне общих закономерностей этого обращения.

Тот же вывод подтверждается и изучением династического состава русских кладов (см. табл. II). Эта таблица составлена для другой цели: она играет вспомогательную роль при метрологическом изучении монет различных династий, позволяя выяснить, какое значение монеты тех или иных государств и государей имели в различные периоды русского денежного обращения. Династические группы монет в ней размещены по горизонтали в последовательности появления в кладах их первых монет. Исключение сделано для Византии, монеты которой в кладах появляются очень рано, но характерными становятся лишь во второй половине X в. Составленная по тому же принципу, что и таблица хронологического состава русских кладов, эта таблица дает точно такую же картину закономерных изменений в составе денежного обращения.

Таблица наглядно показывает полное преобладание аббасидских монет в кладах IX в. и саманидских – в кладах X в. Однако наибольший интерес для характеристики эволюции

[144] Марков А. К. Топография… С. 18. № 99.

состава денежного обращения представляют наблюдения над монетами остальных династий, составляющими как бы свиту основной части монет. Клады, близкие друг другу по дате их младшей монеты, близки и по династическому составу. Некоторая примесь монет Испегбедов, Идрисадов, губернаторов Тудги и испанских Омейядов характерна только для кладов первой трети IX в. Вполне закономерно происходит устранение из обращения монет Аглебидов и Зеидидов, Тахиридов, Саффаридов и Омейядов. Обращение очищается от целых категорий ранних монет, усваивая монеты новых династий. Для каждого узкого периода обращения складываются свои неповторимые сочетания монет различных династий.

Таблица хронологического состава русских кладов учитывает только материал обращения IX – начала XI в. Более поздние монеты – западноевропейские – не имеют обозначения даты чеканки и датируются более суммарно. Поэтому точный подсчет их по десятилетиям, как в кладах датированных куфических монет, невозможен. Однако клады западноевропейских денариев XI в. были хорошо изучены Н. П. Бауером, который установил существование в денежном обращении XI в. тех же принципов постоянного обновления состава монет, которые существовали в IX–X вв.[145]

В связи с особенностями денежного обращения XI в. следует сказать несколько слов о характере пережиточного бытования в это время куфической монеты. Выше цитировалось утверждение А. В. Орешникова о том, что куфические монеты могли быть зарыты в виде кладов «100 лет спустя» после того, как завоз их в Восточную Европу прекратился в 1014 г. Молодинский клад с младшей монетой 1010 г., Переяславский клад с младшей монетой 1015 г., Поречьский клад с младшей монетой 1020 г., по Орешникову, следует датировать даже XII в., поскольку оказавшиеся в названных кладах монеты Владимира он приписывал Мономаху. Такие предположения еще имели бы некоторую долю вероятности, если бы на смену куфическим монетам не пришли никакие другие монеты; но этого не случилось. После 1014 г. доживающие куфические монеты вступили во взаимодействие со вновь приливающими в русское обращение западными монетами, и именно последние дали основания для правильной датировки перечисленных кладов.

Куфические монеты в кладах XI в. это не просто доживающие монеты, завезенные еще в X в. И их династический состав имеет свои особенности. Как это видно из таблицы II, в кладах XI в. появляются монеты таких династий, которых еще не знали и не могли знать клады X в. – Симджуридов, Джуландидов, Илеков, Салларидов, Джаффаридов и др., т. е. монеты, занесенные в Восточную Европу последней слабой волной восточного серебра. Р. Р. Фасмер установил и дальнейшую судьбу куфических монет в кладах XI в. Они постепенно, но, в общем, очень быстро исчезают из обращения. Если к концу первой четверти XI в. они составляли 90—50 % всех монет кладов смешанного состава, то уже к середине XI в. они полностью и повсеместно исчезли из обращения. Период переживания куфических монет в русском обращении после 1014 г. составляет не 100 лет, как думал А. В. Орешников, а всего-навсего лет 35[146]. Такой небольшой срок потребовался для полного устранения из обращения восточной монеты.

Таким образом, приемы датирования кладов, установленные применительно к материалу IX и X вв., действительны и для кладов XI в.

При рассмотрении подробностей состава русского монетного обращения в различные периоды, которому посвящен весь следующий раздел исследования, материал излагается согласно общей периодизации кладов куфических монет, предложенной Р. Р. Фасмером. Несмотря на отмеченную ее некоторую условность и даже благодаря этой условности, она является наиболее удобной для последовательного рассмотрения материала. То обстоя-

[145] См.: Bauer N. Die russischen Funde abendländischer Münzen.

[146] См.: VasmerR. Ein neuer Münzfund des elften Jahrhunderts in Estnischem Privatbesitz.

тельство, что для большого числа зарегистрированных кладов мы располагаем только суммарным описанием, позволяет и датировать их лишь суммарно, в пределах тех периодов, которые были установлены Р. Р. Фасмером. Так, например, наличие в том или ином кладе зияридских или хамданидских монет дает полное основание относить его к последней трети X – началу XI в., но не обеспечивает более точной его датировки. Между тем для решения многих вопросов необходим по возможности полный учет топографических сведений в пределах достаточно обширных периодов. Наиболее правильная датировка значительной части кладов может быть поэтому предпринята только на основании схемы Р. Р. Фасмера, при условии ее некоторого уточнения.

Роль иноземной монеты в русском денежном обращении

Выяснение роли восточной и западной монеты в денежном обращении Восточной Европы имеет исключительно важное методическое значение. Установив преобладание в обращении того или иного периода определенных монетных групп, мы не сможем двинуться ни на шаг, не располагая данными о том, каков был сам характер приема иноземных монет на Руси. Если в обращении они принимались исключительно на вес, то метрологическая эволюция таких монет никак не может влиять на развитие той системы, которая использует иноземные монеты в качестве материала обращения. Любые перемены в весе монет в этом случае всегда нивелировались бы дроблением монеты, включением в обращение обломков, да и сами монеты, в таком случае, были бы не более как измельченным серебром. Основным источником нашего исследования должны были бы стать не монеты, а гири, посредством которых они взвешивались.

К. Маркс очень образно писал о характере денег в сфере внутреннего обращения, где монеты выступают облаченными в собственные национальные мундиры и говорящими на разных языках. Эти национальные мундиры монеты сбрасывают, переходя в сферу международного обмена, где не имеет никакого значения монетный штемпель, а стоимость монеты определяется исключительно ее весом и качеством металла[147]. Вступая в сферу международного обмена, монеты перестают быть монетами.

Демонетизация монеты может сохраняться и во внутреннем обращении тех государств, которые пользуются иноземной монетой. Однако в определенных условиях иноземная монета может обрести вновь все присущие ей особенности во внутреннем обращении того нового общества, которое ее использует. Она заговорит на другом языке, может, не переменив «национальный мундир», получить иное местное название и в своей сущности остаться тем же самым, чем она была и у себя на родине.

Одним из наиболее распространенных представлений об особенностях монетного обращения в Древней Руси IX–XI вв. является мнение о том, что восточные и западные монеты принимались не по счету, а на вес[148], или даже с оценкой «на глаз»[149]. Это представление основано на многочисленных фактах находок в монетных кладах домонгольской Руси обломков и обрезков монет, которые при этом имеют настолько разнообразный вес, что значение их как довесков к определенным количествам серебра кажется бесспорным. Если действительно восточная и западная монета принималась в Древней Руси только на вес, то все мелкие денежные единицы – куну, ногату, резану, веверицу – можно рассматривать только как чисто счетные деньги, как некоторые количества серебра, вес которых не совпадал с

[147] Маркс К. К критике политической экономии. М.: Госполитиздат, 1953. С. 101.

[148] См., например: Савельев П. С. Мухаммеданская нумизматика в отношении к русской истории. I. СПб., 1847. С. XXVIII и сл.; Марков А. К. Русская нумизматика. Конспект лекций. СПб., 1905. С. 7; Кауфман И. И. Русский вес. С. 178 и сл.; Орешников А. В. Денежные знаки домонгольской Руси. С. 16; МонгайтА. Л. Указ. соч. С. 69.

[149] Бауер Н. П. Денежный счет Русской Правды. С. 230.

весом реально обращавшихся в Восточной Европе иноземных монет. В таком случае вряд ли может иметь смысл кропотливое массовое взвешивание дирхемов и денариев, поскольку их вес, сам по себе интересный для изучения монетного дела производивших эти монеты городов, не сможет сообщить никаких данных о денежно-весовых системах Древней Руси.

Сам по себе факт обнаружения обломков в кладах еще не может служить безусловным доказательством принятия монеты на вес. Известны многочисленные свидетельства арабских авторов о распространенности обычая делить монеты для получения более мелких платежных единиц на территории почти всего мусульманского Востока в VIII–XI вв.

В середине X в. об этом обычае хорошо знал ал-Истахри (около 951 г.), сообщивший, что обломки дирхемов обращались наряду с целыми дирхемами в Самарканде[150]. Ко второй половине X в. (985–986 гг.) относится сообщение ал-Мукаддаси: «Что касается их монет, то во всех провинциях, вплоть до Дамаска, дирхем не достигает полного веса. Он делится на половинки, называемые кират, на четвертушки, на осьмушки и на шестнадцатые части, называемые харнуба. Все принимаются поштучно»[151]. Последнее сообщение перекликается с изложенным Р. Р. Фасмером очень ранним свидетельством арабского законоведа Абу-Юсуфа (731–795 гг.) о том, что «жители Басры пользовались в своих торговых сделках разломанными на части (мукатт'а) дирхемами, как-то: половинками, кусочками весом в кират… в тассудж… и в хаббу»[152]. От 903 г. сохранилось свидетельство Ибн-Факиха Хамадани, отметившего, что в Испании, в отличие от всего остального мусульманского мира, среди ходячих монет не встречается их дробных частей[153]. Наконец, историк XI в. ал-Гардизи (около 1050–1052 гг.) касается непосредственно славян, сообщая, что камские булгары, торгуя с руссами и славянами, ломали дирхемы на части, имевшие самостоятельное значение[154].

Знакомство с арабскими источниками показывает, что обычай дробления монет на Востоке был распространен повсеместно и на протяжении значительного времени. Отсутствие серебряных монет, более мелких, нежели дирхем, и видимая нехватка медных приводили к подобному удовлетворению потребностей обращения при мелких сделках. Свидетельства о принятии обломков на счет, а не на вес настолько постоянны, что в случае отклонения от этого обычая авторы должны были бы специально оговаривать это обстоятельство, как это сделал Ибн-Факих относительно Испании. Однако таких оговорок нет.

Что касается западноевропейских обычаев приема монеты в X–XI вв., существует довольно распространенное мнение о том, что крест на англосаксонских пенни, делящий поле монеты на четыре части, помещался в целях именно более правильного дробления монеты[155]. Сам обычай дробления монет в Англии доживает до сравнительно позднего времени. Этот пример уместен здесь потому, что английские пенни сыграли немаловажную роль в денежном обращении Восточной Европы в XI в.

Русские памятники денежного обращения показывают, что подобные приемы теоретически допустимы и на территории расселения восточных славян. Об этом свидетельствует существование в русской денежной терминологии такого названия, как «резана», этимологически подтверждающего возможность деления монеты на части для получения более мелкой единицы, или термин «веверица», относящийся к такой незначительной денежной единице, которой никак не могла соответствовать целая монета. Однако только этих свидетельств недостаточно.

---

[150] См.: Савельев П. С. Мухаммеданская нумизматика… С. XXXI.

[151] Bibliotheca geographorum arabicorum. T. III. Leida, 1877. Descriptio imperii moslemici auctore al-Mokkaddasi. P. 240.

[152] Фасмер Р. Р. Об издании новой топографии… С. 482.

[153] Bibliotheca geographorum arabicorum. T. V. Leida, 1885. Compendium libri Kitâb al-boldan auctore Ibn al Fakih. P. 88.

[154] Бартольд В. Отчет о поездке в Среднюю Азию… С. 121.

[155] Ср.: Михалевский Ф. И. Очерки истории денег и денежного обращения. Т. I. Госфиниздат. 1948. С. 198.

Счетный характер приема иноземной монеты даже при наличии в кладах обломков был бы неопровержимо доказан, если бы сами обломки отличались постоянством веса, а их весовые нормы находились бы в рациональном отношении с весовыми нормами целых монет. Однако монетные обломки русских кладов никакого весового постоянства не обнаруживают. Возьмем ли мы комплекс монетных обломков из клада второй половины X в. или из клада начала IX в., они дадут все варианты веса при диапазоне весового колебания до нескольких граммов; нет какого-либо постоянства и в форме обломков. И все же и этих данных недостаточно, чтобы сделать окончательный вывод о весовом приеме иноземной монеты в Древней Руси, убийственный вывод, который сделал бы почти ненужной всю дальнейшую работу по изучению эволюции состава русских кладов.

Одним из наиболее простых и в то же время наиболее убедительных приемов, при помощи которого возможно решать данный вопрос, может послужить изучение устойчивости и постоянства самого явления дробления монеты в Восточной Европе. Если удастся установить существование каких-либо более или менее длительных периодов, вовсе не знавших обращения обломков, вопрос о счетной природе древнерусского обращения иноземной монеты был бы решен положительно хотя бы для этих периодов.

Обратимся к кладам, содержащим монетные обломки. Привлекая только достаточно хорошо датируемые клады, можно назвать следующие:

786 г. – Клад из 28 целых монет и 3 обломков, обнаруженный в Старой Ладоге в 1892 г. (Марков А. К. Топография… С. 140. № 24).

788 г. – Известный по очень небольшой, но весьма характерной в смысле определенности части клад из более чем 800 целых и обломков монет, обнаруженный на Паристовском хуторе Батурянского р-на Черниговской обл. в 1895 г. (СГАИМК. II. С. 289–290. № 24).

808 г. – Клад из 5 серебряных слитков, 300 целых и обломков монет, обнаруженный в д. Княщино близ Старой Ладоги в 1875 г. и собиравшийся частями по 1895 г. (Марков. С. 32–33. № 179–181; С. 140. № 26).

808 г. – Известный только по четырем монетам клад целых и рубленых монет, обнаруженный в 1861 г. близ с. Баскач б. Каширского уезда Тульской губ. (Корзухина Г. Ф. Русские клады. № 7).

810 г. – Клад из 12 целых монет и 41 обломка, обнаруженный в 1927 г. близ с. Завалишино Старо-Оскольского р-на Белгородской обл. (Фасмер Р. Р. Завалишинский клад // Известия ГАИМК. Т. VII. Вып. 2).

813 г. – Клад из 2 серебряных браслетов, 140 целых монет и 8 обломков, обнаруженный в 1913 г. в с. Угодичи Ростовского р-на Ярославской обл. (Фасмер. Два клада куфических монет).

815 г. – Клад из 1300 целых монет и нескольких сот обломков (половинок и четвертых частей), обнаруженный в 1822 г. в Могилевской губ. (Марков. С. 25. № 141).

817 г. – Клад из 120 монет, «часть которых изрублена на половинки, четверти и еще более мелкие части», обнаруженный в 1874 г. близ с. Борки под Рязанью (Марков. С. 40. № 225).

825 г. – Клад из 10 целых монет и 25 обломков, обнаруженный в 1833 г. близ г. Демянска Новгородской обл. (Марков. С. 28. № 154).

829 г. – Клад из 5 серебряных слитков, 205 целых и 909 обломков монет, обнаруженный в 1879 г. близ г. Углича (Марков. С. 54–55. № 314).

820-е гг. – Клад из 7 целых монет и 51 обломка, обнаруженный в 1854 г. при раскопках Сарского городища (с. Деболы) в б. Ростовском уезде Ярославской губ. (Марков. С. 54. № 313; Эдинг Д. Сарское городище. Ростов Ярославский, 1928. С. 13).

831 г. – Клад из 15 целых монет и некоторого количества обломков, в течение ряда лет (1889, 1890, 1908, 1924 гг.) выпахивавшийся на древнем городище в с. Загородье б. Вышневолоцкого уезда Тверской губ. (Марков. С. 47. № 267; С. 141. № 31; СГАИМК. I. С. 290. № 20).

847 г. – Клад из 5 целых и 8 обломков монет, обнаруженный в 1938 г. при раскопках в Старой Ладоге (Пахомов Е. А. Монетные клады. Вып. IV. № 1302).

857 г. – Клад из 139 целых монет и 168 обломков, обнаруженный в 1936 г. в совхозе Соболеве Дубровенского р-на Витебской обл. (Кузнецов К. В. Соболевский клад // Известия АН БССР. 1949. № 6. С. 155 и сл.).

869 г. – Клад из 100 с лишним дирхемов, в числе которых были половинки и четверти монет, обнаруженный в 1874 г. в с. Борки близ Рязани (Марков. С. 41. № 225).

871 г. – Клад из 1326 дирхемов, в числе которых было 118 древних обломков, обнаруженный в 1927 г. близ хутора Шумилово Демянского р-на Новгородской обл. (Новгородский музей, инв. № 4039).

873 г. – Клад из 866 целых дирхемов и 141 обломка, обнаруженный в 1898 г. близ д. Хитровка б. Каширского уезда Тульской губ. (Марков. С. 141. № 33).

876 г. – Клад из 325 целых и 21 обломка монет, обнаруженный в 1936 г. в колхозе «Революция» (с. Бобыли) Тельченского р-на Орловской обл. (Пахомов. Монетные клады. Вып. IV. С. 94–95. № 1306).

878 г. – Клад из 170 целых монет и 102 обломков (по другим сведениям, из 258 монет), обнаруженный в 1855 г. близ с. Железницы б. Зарайского уезда Рязанской губ. (Корзухина. Русские клады. № 8).

906 г. – Клад из двух или трех тысяч целых и ломаных монет, обнаруженный в 1851 г. в Киеве (Корзухина. Русские клады. № 12).

909 г. – Клад из 2 шейных гривен и саманидских монет, в числе которых были половинки, обнаруженный в Верхотурье б. Пермской губ. в 1915 г. (СГАИМК. I. С. 289. № 14).

939 г. – Клад, из которого стали известными 50 целых монет и 40 половинок, обнаруженный в б. Ставропольском уезде Самарской губ. в 1856 г. (Марков. С. 41. № 227).

939 г. – Клад из 11.077 целых монет и 14 фунтов обломков, обнаруженный в 1868 г. в г. Муроме (Марков. С. 5–6. № 28).

944 г. – Клад из 135 целых и ломаных монет, обнаруженный в б. Дисненском уезде Виленской губ. в 1867 г. (Марков. С. 1–2. № 5).

946 г. – Клад, из которого стало известно и было определено только 8 монет; состоял из одного слитка серебра, более чем 100 целых дирхемов и множества их обломков и обнаружен в 1796 г. близ г. Гробина б. Курляндской губ. (Марков. С. 14–15. № 82). Не ранее 946 г. – Известный по одной получившей определение монете клад целых и разломанных пополам и на четыре части монет, обнаруженный около 1885 г. в г. Петрозаводске (Марков. С. 29. № 158).

947 г. – Клад из 200 целых и ломаных монет, обнаруженный в 1878 г. в б. Юрьевском уезде Лифляндской губ. (Марков. С. 17–18. № 98).

948 г. – Клад из 5 целых монет и 53 обломков, найденный в 1870 г. в д. Гнездово Смоленского р-на и обл. (Марков. С. 42. № 237; Корзухина. Русские клады. № 24).

952 г. – Клад, состоявший из серебряных браслетов, 51 целой и 53 ломаных монет, обнаруженный в 1896 г. в б. Гробинском уезде Курляндской губ. (Марков. С. 138. № 12). Не ранее 953 г. – Клад более чем из 300 дирхемов и их обломков, обнаруженный в 1874 г. в г. Ржеве. Известно определение только 2 монет (Марков. С. 46. № 264).

953 г. – Клад из 10 целых и 30 обломков дирхемов, обнаруженный в 1903 г. в Новгороде (Быков А. А. Клад серебряных куфических монет, найденный в Новгороде в 1903 г. // Изв. ГАИМК. Вып. IV. 1926).

955 г. – Клад из 150 целых дирхемов и множества их обломков, обнаруженный в окрестностях Вейссенштейна (Латвия) в начале XX в. (СГАИМК. I. С. 292. № 41).

955 г. – Клад из 312 целых и 603 обломков дирхемов, найденный в 1913 г. в Фридрихсгофе близ Таллина (Пахомов. Монетные клады. Вып. II. № 627).

958 г. – Клад из 40 целых и 33 ломаных монет, обнаруженный в 1835 г. близ Пскова (Марков. С. 36. № 205).

959 г. – Клад из 10 целых и 5 ломаных монет, обнаруженный в 1871 г. близ Юрьева б. Лифляндской губ. (Марков. С. 19. № 103).

960 г. – Клад из 154 целых и ломаных монет, обнаруженный в 1885 г. в д. Гнездово Смоленского р-на и обл. (Марков. С. 43. № 239).

961 г. – Клад из 200 целых и ломаных монет, обнаруженный в 1849 г. близ д. Дубровинка Смоленского р-на и обл. (Марков. С. 42. № 235). 969 г. – Клад из 60 целых и 10 ломаных дирхемов, обнаруженный в с. Болгарах б. Спасского уезда Казанской губ. в 1895 г. (Марков. С. 137. № 10).

969 г. – Клад из почти 1000 дирхемов и их обломков, обнаруженный в Ковасте близ Везенберга (Раквере) в 1882 г. (Марков. С. 56. № 323).

972 г. – Клад из 871 монеты, среди которых был 801 обломок, обнаруженный в 1953 г. при раскопках в Новгороде (Янина С. А. Неревский клад куфических монет X в. // МИА. 55. 1956).

972 г. – Клад из 22 целых монет и 41 обломка, обнаруженный в 1924 г. в д. Новая Мельница Новгородского р-на и обл. (Новгородский музей, инв. № 245).

976 г. – Клад из 25 целых монет и 32 обломков, обнаруженный в 1839 г. в с. Белый Омут б. Зарайского уезда Рязанской губ. (Марков. С. 39–40. № 220). Марковым клад датирован 976 или 986 гг. Последняя дата неприемлема, т. к. основывается на сомнительном чтении даты суварской монеты, а суварских монет

986 г. неизвестно (См.: ФасмерР. Р. О монетах волжских болгар X века // Изв. О-ва Археологии, Истории и Этнографии. Т. XXXIII. Вып. I. Казань, 1926).

978 г. – Клад серебряных вещей и монет (7 целых, 4 обломка), обнаруженный в 1883 г. в д. Рябиновской б. Глазовского уезда Вятской губ. (Марков. С. 6. № 33).

978 г. – Клад из 333 целых монет и 68 обломков, обнаруженный в д. Ерилово Островского р-на Псковской обл. (Гос. Эрмитаж).

986 г. – Клад из 66 целых монет и множества обломков, обнаруженный в 1896 г. в д. Красное б. Дисненского у. Виленской губ. (Марков. С. 136. № 1).

988 г. – Клад серебряных предметов и монет, целых и ломаных (75 куфических и 55 денариев), обнаруженный в 1878 г. на восточном берегу озера Пейпус (Марков. С. 18. № 101).

990 г. – Клад из 20 целых и 25 ломаных дирхемов, обнаруженный в 1890 г. в д. Мусорки б. Ставропольского у. Самарской губ. (Марков. С. 41. № 229).

Конец Хв. – Клад из 96 целых монет, 56 обломков и 10 гирек, обнаруженный в 1934 г. близ д. Подборовка Старорусского района Новгородской обл. (Государственный Эрмитаж).

Не ранее 939 г. – Клад из более чем 200 дирхемов и их обломков, обнаруженный в 1840-х гг. на о-ве Эзеле (Марков. С. 22. № 124).

Конец X в. – Клад целых и ломаных бувейхидских дирхемов, обнаруженный в 1862 г. в с. Балымерах б. Спасского уезда Казанской губ. (Марков. С. 10. № 53).

Ок. 1000 г. – Клад из 399 целых и ломаных серебряных куфических, западноевропейских и византийских монет, обнаруженный в 1871 г. в д. Новый Двор б. Минского уезда и губ. (Марков. С. 23–24. № 134).

Ок. 1000 г. – Клад из 15 целых и 918 обломков куфических монет, обнаруженный в с. Коростово близ Рязани в 1891 г. (Черепнин А. И. Коростовский клад. Рязань, 1892).

Что касается кладов XI в., то обломки монет в них присутствуют постоянно, однако количество их сравнительно с числом целых монет незначительно, как это видно из всех приведенных Н. П. Бауером описаний[156].

Приведенная хронологическая таблица кладов с ломаными и разрезанными монетами позволяет заключить, что обращение обломков вовсе не характерно для всех периодов обращения иноземной монеты на Руси. Из 52 датированных кладов с обломками 12 относятся к 786–831 гг., только 2 – к 832–868 гг., 5 кладов – к очень короткому отрезку времени с 869 по 878 гг., 2 клада – к 879–938 гг. и 31 клад – ко времени с 939 г. до конца X в.

Появление в кладах обломков в определенные периоды и исчезновение их из обращения в другие периоды не носит случайного характера. Можно с полным основанием утверждать, что обломки закономерно распространялись в русском денежном обращении в конце VIII и в первой трети IX в., в 70-х гг. IX в. и с 939 г. до самого конца бытования дирхема в Восточной Европе. Однако они не имели непрерывного хождения на всем протяжении IX и X вв. Русское денежное обращение не знало их в 832–868 гг. и в 879–938 гг. Эти два периода исключительного обращения целой монеты составляют в общей сложности около сотни лет, т. е. приблизительно половину всего времени обращения в Восточной Европе куфической монеты. Вопрос о счетном характере приема иноземной монеты в эти периоды можно считать решенным. А если это так, мы имеем все основания подходить к иноземной монете русского обращения как к русскому номиналу.

[156] Bauer N. Die russischen Funde abendländischer Münzen.

Глава IV
Русская денежно-весовая система IX и X веков

Начало проникновения дирхема в Восточную Европу

Вопрос о том, когда именно началось проникновение дирхема на территорию Восточной Европы, представляет большой интерес не только в связи с исследованием денежно-весовых систем Древней Руси. Установление этого важного хронологического рубежа в древнерусском денежном обращении открывает возможность уточнить время становления торговых связей Восточной Европы со странами Халифата, а эти связи играли большую роль в экономической истории Восточной Европы вплоть до самого конца X в.

Восточные монеты русских кладов, несущие на себе даты чеканки, в силу своей многочисленности являются первоклассным источником для изучения торговых связей славянства с Востоком. Однако длительная недооценка самостоятельного значения проблемы местного денежного обращения Восточной Европы давно привела к несколько одностороннему использованию показаний восточных монет. Куфические дирхемы рассматриваются в работах историков только как памятники сношений со странами Востока, а не как памятники внутреннего денежного обращения Восточной Европы. Отсюда произошло заметное стремление слишком уж непосредственно и конкретно опираться на даты наиболее ранних монет этих находок. Наличие в русских кладах известного количества монет Испегбедов, Омейядов и ранних Аббасидов, т. е. памятников VII и VIII вв.[157], постоянно приводило историков, привлекавших данные нумизматики, к упрощенному представлению о том, что завоз таких монет на Русь осуществлялся сразу же после их чеканки.

Немаловажную роль в формировании подобных представлений сыграло известное сообщение Макризи о том, что монета на Востоке перечеканивалась при смене государей и династий[158]. Излишнее доверие к этому сообщению приводило к убеждению, что в правление каждого восточного монарха на территории его государства обращалась только монета с его именем: следовательно, такая монета и вывозиться за пределы страны могла только в правление этого монарха. Но, принимая это положение, легко прийти к утверждению об отсутствии терпимости и к любой иноземной монете на территории восточных государств, а отсюда и к вполне логическому выводу о том, что, скажем, монеты, чеканенные в африканских провинциях Халифата или в омейядской Испании, могли проникать в Древнюю Русь только путем непосредственного завоза, чего в действительности не было.

Как показывают наблюдения над составом русских кладов, арабы постоянно имели дело со значительной пестротой монетного состава обращения как в отношении мест чеканки, так и в отношении ее времени. Так, например, обращение всего IX в. – это обращение в первую очередь огромной массы монет, отчеканенных еще Харуном ар-Рашидом и Амином в самом начале IX в. Перечеканку монет последующими правителями вовсе не следует представлять себе в виде акта, сопровождавшегося обязательным изъятием всех монет предшественников или иноземных монет. Это был постепенный процесс изъятия монет, наиболее потертых, дефектных и почему-либо не соответствовавших нормам обращения.

---

[157] Чеканка куфического дирхема начинается в 90-х гг. VII в. Самая ранняя куфическая монета из обнаруженных в русских кладах датируется 700 г. См.: Савельев П. С. Мухаммеданская нумизматика в отношении к русской истории. С. XXII.

[158] Ср.: Любомиров П. Г. Указ. соч. С. 10.

Подобные факты и соображения мало принимались в расчет, и начало массового торгового обмена Восточной Европы со странами Востока часто датировалось VII в. или даже еще более ранним временем. Разбирая одно из сообщений IX в. о Руси, В. О. Ключевский подвел под эти представления следующее логическое обоснование, которое охотно цитируется исследователями древнерусской торговли: «Нужно было не одно поколение, чтобы с берегов Днепра или Волхова проложить такие далекие и разносторонние торговые пути. Эта восточная торговля Руси оставила по себе выразительный след, который свидетельствует, что она завязалась по крайней мере за сто лет до Хордадбе»[159] (т. е. по крайней мере в первой половине VIII в. – В. Я.).

П. Г. Любомиров, исследовавший торговые связи Руси с Востоком по нумизматическим данным, также не колебался в датировке начального этапа этих связей VIII веком, допуская проникновение восточной монеты на славянские территории и в VII в.[160] В последние годы те же взгляды в связи с историей древнерусского денежного обращения развивал А. Д. Гусаков[161].

Нет нужды цитировать многочисленные работы современных историков, где мнение о существовании развитых связей Восточной Европы со странами Халифата уже в VII и VIII вв. излагается с обязательными ссылками на исследование П. Г. Любомирова. Сочувственное изложение этого мнения встречается постоянно и иногда достигает большой красочности, примером чему может служить утверждение В. В. Мавродина о том, что «в VIII в. все среднее течение Днепра было усеяно кладами восточных монет»[162].

Против такого чрезвычайно распространенного представления еще в 1933 г. выступил Р. Р. Фасмер, отметивший, что основной категорией датирующих находок являются клады, а не отдельно поднятые или случайно собранные монеты и что «кладов, зарытых в VIII в., до сих пор не найдено, а найдены только монеты VIII в. в кладах, зарытых в IX в.»[163]. Таково основанное на тщательном изучении источников мнение наиболее компетентного исследователя русско-арабской торговли. Однако оно высказано им в статье общего характера, без подробного разбора хронологии ранних русских кладов, а в другой специальной работе Р. Р. Фасмера, посвященной наиболее раннему периоду обращения дирхема в Восточной Европе[164], сводка кладов была оставлена им без хронологического анализа.

Обращение к русским куфическим кладам наиболее ранней группы позволяет присоединиться к мнению Р. Р. Фасмера, при условии некоторого уточнения его даты.

Древнейший русский клад куфических монет относится по его составу не к началу IX в., как утверждал Р. Р. Фасмер, а к 80—90-мгг. VIII в. Это небольшой, но сохранившийся целиком (28 целых и 3 обломка монет) клад, найденный в Старой Ладоге в 1892 г.[165] Монеты в нем составляют хронологически компактную группу, обнимая период чеканки в 38 лет (749–786 гг.).

Еще один клад, найденный на Паристовском хуторе Батуринского р-на Черниговской обл. (на р. Сейме) в 1895 г.[166], можно лишь очень условно относить к концу VIII в. Он состоял из большого количества монет (около 800 целых и обломков), но из них сохранилось лишь 7

---

[159] Ключевский В. О. Боярская дума Древней Руси. Пг., 1919. С. 19–20.

[160] Любомиров П. Г. Указ. соч. С. 13.

[161] Гусаков А. Д. О некоторых явлениях в денежном обращении Древней Руси // Изв. АН СССР, отд. экон. и права. № 3. М., 1946. С. 245.

[162] Мавродин В. В. Образование древнерусского государства. Л., 1945. С. 135.

[163] Фасмер Р. Р. Об издании новой топографии… С. 476.

[164] Фасмер Р. Р. Завалишинский клад куфических монет VIII–IX вв.

[165] Марков А. К. Топография кладов восточных монет. С. 140. № 24.

[166] СГАИМК. П. С. 289–290. № 24.

экземпляров. Сохранившаяся часть клада настолько мала, что дает возможность применить только приблизительную датировку концом VIII – первой четвертью IX в.[167]

Для правильного представления о времени первоначального проникновения дирхема в Восточную Европу большую важность имеют клады куфических монет, обнаруженные в Западной Европе. Содержа в своем составе монеты, заведомо проделавшие путешествие через восточнославянские земли, они датируют и внутренние русские явления[168].

Древнейшим западноевропейским кладом куфических монет является крошечный клад серебряных изделий и дирхемов (7 целых и 1 обломок), найденный в Форе на Готланде[169]. Его младшая монета относится к 783 г. Это, правда, единственный западноевропейский куфический клад VIII в. Во всяком случае, он увеличивает количество кладов восточных монет в Европе, зарытых не в IX в., а в последней четверти VIII в.

В качестве контрольного материала для проверки нашего вывода о более ранней датировке некоторых кладов можно привлечь и всю раннюю группу единичных монетных находок. Отдельно поднятые или обнаруженные в погребальных инвентарях монеты сами по себе, конечно, не дают достаточно надежного основания для датирования этапов денежного обращения. Многие из них, несомненно, не только попали в землю в сравнительно позднее время, но и сам приход их в Европу был явлением более позднего порядка, а часть происходит, по всей вероятности, из несохранившихся кладов. Однако их статистика в целом довольно интересна и показательна.

В Восточной Европе к настоящему времени зафиксировано 29 единичных находок куфических монет VIII в.[170] В Западной Европе, по данным А. К. Маркова, таких достоверных находок – 13[171]. Из этих 42 находок – 5[172] датируются суммарно; остальные дают следующую картину:

Годы чеканки монеты	Количество находок		
	в Восточной Европе	в Западной Европе	Всего
700–709	–	1	1
710–719	1	1	2
720–729	–	–	–

[167] Сохранившиеся монеты клада: одна сасанидская или испегбедская, две омейядских – 720-х гг. и 740 г. (первая – африканская), пять – аббасидских – 754, 772, 779, 788 и 780—790-х гг. (из них 3 азиатского чекана, 1 – африканского и 1 – неустановленного города).

[168] В литературе существует мнение о том, что завоз куфических монет на некоторые западные земли, в частности в Финляндию, мог осуществляться и западным путем – из Испании (см.: Фасмер Р. Р. Об издании новой топографии. С. 480). Возможность такого проникновения восточных монет в Западную Европу, разумеется, не исключена, однако, судя по единству состава подавляющего большинства кладов Восточной и Западной Европы, проникновение каких-то монет с Запада могло быть только эпизодическим.

[169] Марков А. К. Топография. С. 62. № 13.

[170] Марков А. К. Топография… С. 7. № 36; С. 7–8. № 38; С. 10. № 51; С. 13. № 69; С. 14. № 81; С. 16. № 92; С. 20. № 111; С. 29. № 162; С. 32. № 178; С. 35. № 199; С. 42. № 231; С. 42. № 233; С. 45. № 254; С. 52. № 302, 303, 304; С. 56. № 325 (в сообщении бесспорно объединены разные находки – VIII и X вв. Отметим также пропущенную А. К. Марковым опечатку в переводе дат с хиджры на н. э.); С. 136. № 5; С. 137. № 7, 9. СГАИМК. I. С. 290. № 27; С. 292. № 48; СГАИМК. II. С. 289. № 20; С. 290. № 27; Фасмер Р. Р. Завалишинский клад. С. 18. № 54; С. 19. № 62, 63; С. 20. № 68. Древности. Т. 18, протокол 133.

[171] Марков А. К. Топография… С. 89. № 1; С. 90. № 17; С. 94. № 71; С. 101. № 8, 12; С. 105. № 2; С. 109 (Голландия); С. 122. № 6; С. 124. № 21; С. 130. № 56; С. 131. № 68; С. 132. № 6; С. 133. № 13.

[172] Там же. С. 29. № 162; С. 42. № 231, 233; С. 109. № 1; Фасмер Р. Р. Завалишинский клад. С. 20. № 68.

Годы чеканки монеты	Количество находок		
	в Восточной Европе	в Западной Европе	всего
730–739	1	–	1
740–749	1	2	3
750–759	4	–	4
760–769	–	–	–
770–779	3	2	5
780–789	10	3	13
790–799	5	3	8

Приведенная таблица дает известные основания судить о той переломной дате, после которой отдельные находки восточных монет в Европе перестают носить случайный характер. Из 37 отдельных датированных находок таких монет – 25 относятся к последней четверти VIII в. Они начинают встречаться постоянно после 774 г. Хронологический диапазон остальных 12 находок достигает сотни лет, а распределение их по десятилетиям носит такой характер, что случайность их очевидна; это не случайность проникновения куфических монет в Европу уже в первой половине и в середине VIII в., а случайность попадания в землю ранних монет в более позднее время.

Более интересные и убедительные результаты дают наблюдения над таблицей хронологического состава русских кладов (см. табл. I). Наиболее ранней группой восточных монет, присутствие которой в кладах обнаруживает все признаки закономерности, являются монеты 40-х гг. VIII в. Они имеются в 13 из подсчитанных кладов, преимущественно 800–875 гг., в которых составляют от 0,67 до 6,40 %. Постоянство присутствия этих монет в ранних русских кладах по сравнению с более ранними монетами очевидно.

Предположение, что именно 40-е гг. VIII в. являются временем начала проникновения дирхема в Восточную Европу, невозможно. Судя по всем данным о составе монетных комплексов русских куфических кладов, минимальный хронологический диапазон состава денежного обращения на Востоке в изучаемую нами пору равен примерно 30–40 годам. Поэтому и приходится рассматривать монеты 40-х гг. в обращении Руси как в основном наиболее раннюю часть потока восточных монет, возникающего лишь в 70-х или 80-х гг. VIII в. Безоговорочное, непосредственное приложение даты этих монет к датировке начала куфического обращения на Руси – исходя все из того же диапазона наших кладов – невозможно ввиду отсутствия какой-либо закономерности в поступлении монет 10—40-х гг.

Движение восточного серебра не могло начаться и позднее указанной даты. Датировка начала проникновения дирхема в Европу даже 90-ми гг. VIII в. сделала бы случайным присутствие в наших кладах монет 40-х и 50-х гг., а датировка началом IX в. превратила бы в случайную примесь монеты 40—60-х гг. VIII в., которые, однако, в общей сложности составляют от 4,34 до 24,30 % от общего количества монет во всех русских кладах IX в.

Совокупность приведенных данных позволяет признать, что проникновение дирхема в Европу и само становление торговых связей Восточной Европы со странами Халифата начинается в 70—80-х гг. VIII в.

Существует еще одна категория восточных монет, которые приходили в Восточную Европу значительно раньше куфических: это сасанидские монеты V–VII вв. Сасанидские драхмы не составляют исключительной редкости в русских кладах первой четверти IX в. Поскольку на территории расселения славян более ранних кладов с этими монетами не существует вообще, есть все основания думать, что они влились в русское монетное обращение лишь вместе с куфической монетой, не ранее последней четверти VIII в. При этом весьма сомнительна возможность прихода их на Русь, а точнее – ухода их с Востока вместе с дирхемами. Допускать их участие в обращении до такого позднего времени на Востоке невозможно, особенно после реформы Абдул-Малика, очистившей монетное хозяйство от

той пестроты, которая первоначально была свойственна составу монет, имевших хождение в мусульманских странах. Прямой завоз на русские земли сасанидских монет из Табаристана или Трансоксианы в конце VIII или в начале IX в. также кажется мало вероятным.

В своем подавляющем большинстве находки сасанидских монет концентрируются в пределах сравнительно небольшого ареала, включающего в свой состав территорию Прикамья, и именно в этой области, прославленной многочисленными находками сасанидской торевтики, обнаружен и ряд самых ранних монетных кладов Восточной Европы, относящихся еще к VI и VII вв. Клад вещей и монет, датируемый VI в., обнаружен в б. Чердынском уезде[173]; небольшой клад вещей и монет первой половины

VII в. найден в имении С. Г. Строганова, где-то в пределах б. Пермской губ.[174], другой клад того же времени происходит из д. Шестаково б. Красноуфимского уезда[175]. На той же территории найдено в различное время не менее десятка отдельных сасанидских монет[176].

По-видимому, именно эта область и была тем центром, из которого с вовлечением славян в восточную торговлю происходило распространение ранних сасанидских монет уже как примеси к куфическим. Бытование сасанидских монет в Прикамье до конца

VIII в. имело узко местное значение и не оказывало никакого влияния на славянские области Восточной Европы. Прикамье и Западное Приуралье были первым уголком Восточной Европы, открытым восточной торговлей еще в VI в.; однако потребовалось еще два столетия, чтобы направление главного русла этой торговли изменилось, и восточные связи, перестав играть чисто местную роль, приобрели общеевропейское значение[177].

Монетное обращение на территории Восточной Европы в конце VIII – первой трети IX в.

Клады куфических монет конца VIII – первой трети IX в. и находки отдельных монет этого времени на территории Восточной Европы многочисленны и зафиксированы в различных, далеко отстоящих один от другого пунктах (рис. 5). Всего к настоящему времени мы располагаем данными о 25 монетных кладах рассматриваемого периода и более чем о 30 находках отдельных монет. Последняя цифра несколько условна, т. к. в числе отдельно поднятых монет могут оказаться и экземпляры, затерянные в более позднее время, но и одна только цифра кладов говорит сама за себя.

[173] Марков А. К. Топография… С. 30. № 170.

[174] Там же. С. 30. № 167.

[175] Там же. С. 29. № 165.

[176] Марков А. К. Топография. С. 8. № 42; С. 29. № 163; С. 139. № 21, 22; СГАИМК. I. С. 289. № 13; С. 290. № 16; СГАИМК. II. С. 288. № 16.

[177] Ср.: Фасмер Р. Р. Завалишинский клад. С. 12 и сл.

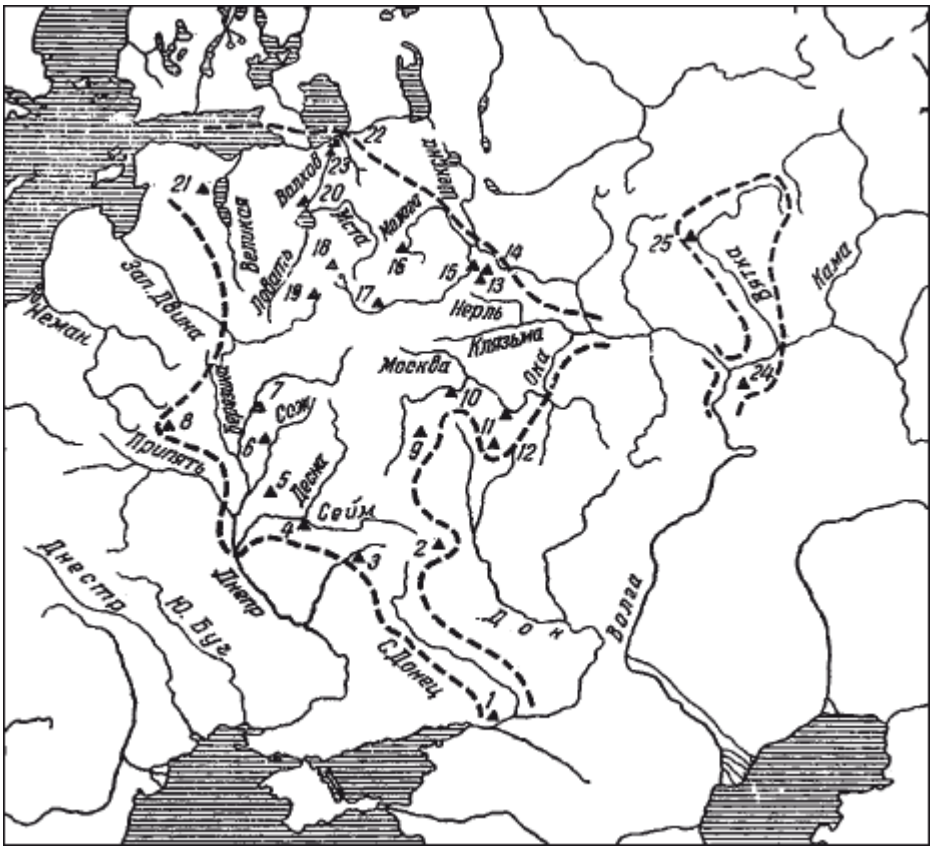

Рис. 5. 1 – Кривянская, 806 г.; 2 – Завалишино, 810 г.; 3 – Нижняя Сыроватка, 813 г.; 4 – Паристовский хутор; 5 – Ярыловичи, 821 г.; 6 – Литвиновичи, 824 г.; 7 – Могилев, 815 г.; 8 – Минская губ., 816 г.; 9 – Лапотково, 817 г.; 10 – Баскач; 11 – Борки, 817 г.; 12 – Скопинский у.; 13 – Сарское городище; 14 – Угодичи, 813 г.; 15 – Углич, 829 г.; 16 – Загородье, 831 г.; 17– Семенов Городок; 18 – Демянск, 825 г.; 19 – Набатово; 20 – Вылеги; 21 – Тарту; 22 – Старая Ладога, 786 г.; 23 – Княщино, 808 г.; 24 – Элмед, 821 г.; 25 – Лелеки

Стремительность, с которой восточная монета с самого начала ее проникновения в Европу распространяется на восточнославянских территориях, не может не свидетельствовать о том, что экономика восточного славянства к этому моменту испытывала сильнейшую потребность в металлических знаках обращения. Эта потребность проявилась не в отдельных районах Восточной Европы, а на всей территории расселения восточных славян.

В литературе с очень давних пор бытует мнение о том, что обилие монетных находок в Восточной Европе само по себе не может служить доказательством внутренней потребности русской экономики в монете и вызвано тем, что через славянские земли Восточной Европы пролегали пути международной транзитной торговли, осуществлявшейся силами то ли скандинавов, то ли самих восточных купцов. Подобные взгляды энергично отстаивал Н. П. Бауер, который в 1937 г. писал: «Они (норманны. – В. Я.) прошли всю Восточную Европу вдоль и поперек, их же, вероятно, и разумеет Ибн-Фадлан, говоря о руссах, что они массами накопляли дирхемы и, набрав 10 000 штук, одаривали жен своих цепями. Норманны доставляли эти же дирхемы в огромных количествах к себе на родину, а также морем в Польшу и к другим западным славянам»[178].

Более осторожно, не называя норманнов, тезис о транзитном характере торговли как первопричине проникновения восточных монет на русские земли развивал Б. А. Романов. Объясняя происшедший в XI–XII вв. «отказ» Восточной Европы от употребления монеты,

[178] Бауер Н. П. Денежный счет Русской Правды. С. 226.

он писал, что «продолжительное бытование на территории Восточной Европы иноземных монет, бывшее результатом временного положения ее в международной торговле, не отражало внутренней потребности русской экономики в мелких металлических платежных знаках»[179].

Обобщение тех же взглядов содержится в труде П. И. Лященко «История народного хозяйства СССР». Согласно его построениям, «славянская эпоха, начиная с VIII в., продолжала торговое развитие страны главным образом (подчеркнуто мной. – В. Я.)… в виде транзитно-посреднической торговли между дальним Арабским Востоком, через ближайших соседей своих – хазар, и Византией, а также европейским северо-западом»[180]. Правда, «уже с IX в. «русская» торговля начинает приобретать значение не только как транзитно-передаточная… но и как самостоятельная торговля с Византией»[181]. Но эта торговля «шла мимо первобытного натурального хозяйства массы населения», и только новое – византийское – направление торговли «вклинивалось в это хозяйство»[182]. Ниже П. И. Лященко как будто «отдает должное» и роли восточной торговли, отметив, что «первобытное хозяйство (!) русских славян вовлекалось в торговлю между Западом и Востоком на северо-западе норманно-варягами, на юго-востоке хазарами»[183]. В обобщениях П. И. Лященко, таким образом, фигурируют и «исконная транзитность» русской восточной торговли, и норманны вместе с хазарами как организаторы и исполнители торговых операций, и особая важность торговли с Византией.

Таким образом, ставшее достоянием науки множество русских кладов послужило фактической основой для весьма увлекательного учения о большой торговле Востока и Запада. При этом оказывается, что Русь была, скорее всего, помехой на пути этой торговли. Если Русь, почва которой изобилует находками куфических монет, в самом деле не принимала деятельного и непосредственного участия в торговле с Востоком, то какое же обилие куфических монет должно быть в таком случае на землях Запада!

Изучение топографии и монетной статистики начального этапа бытования дирхема в Европе помогает лучше всего разобраться в причинах ввоза восточной монеты на Русь и определить, что же вызвало прилив восточной монеты на славянские земли – внутренняя потребность русской экономики в серебряной монете или же потребность в ней населения северо-западной Европы? Вопрос о конкретных исполнителях торговых операций тесно связан с этим основным вопросом: если монета ввозилась в Русь в первую очередь в связи с ее собственными потребностями, то норманнам возле нее почти ничего не остается делать.

К настоящему времени 25 наиболее ранним восточноевропейским кладам куфических монет конца VIII – первой трети IX в. и трем десяткам отдельных находок того же времени в Восточной Европе может быть противопоставлено в Западной Европе только 16 кладов и 13 отдельных находок. В Западной Европе, которая будто бы в основном поглощала восточную монету, в действительности оседало вдвое меньше монет, нежели на землях восточных славян. Ниже подобные соотношения количества находок будут отмечены и для более позднего времени.

Что касается роли скандинавов на этом начальном этапе торговли, то из 16 кладов конца VIII – первой трети IX в. только три обнаружены на Готланде и один в Упланде, на территории материковой Швеции. Два ранних готландских клада (783 и 812 гг.)[184] очень малы.

---

[179] Романов Б. А. Указ. соч. С. 390.

[180] Лященко П. И. История народного хозяйства СССР. С. 96.

[181] Там же.

[182] Там же. С. 97.

[183] Там же. С. 98.

[184] Марков А. К. Топография… С. 62. № 13; С. 74. № 115.

В одном из них содержалось 8, в другом 11 монет. Третий датируется 824 г.[185], а клад из Упланда – 825 г.[186] Остальные 12 западноевропейских кладов ничего общего со Скандинавией не имеют: пять из них найдены в Померании и датируются 802, 803, 816, 816 и 824 гг.[187]; три – в Восточной Пруссии и датируются 811, 814 и 818 гг.[188]; три в Западной Пруссии – 808, 813 и 816 гг.[189]; один клад 810 г. обнаружен в Мекленбурге[190].

Таким образом, основная и притом сравнительно более ранняя группа западноевропейских кладов восточных монет обнаружена не на скандинавских землях, а на землях балтийских славян. Миф об исконности организующего участия скандинавов в европейско-арабской торговле не находит никакого обоснования в источниках.

Характер движения восточной монеты через территорию Восточной Европы представляется следующим образом. Европейско-арабская торговля возникает в конце VIII в. как торговля Восточной Европы со странами Халифата. Обращение Восточной Европы в основном поглощает приходящую с Востока монету, но торговые связи восточных и западных славян, игравшие, судя по статистике кладов, меньшую роль в экономике восточнославянского общества, приводят к частичному отливу куфической монеты на земли балтийских славян. Эти связи осуществляются непосредственно между населением восточной Прибалтики и балтийскими славянами и являются по существу внутриславянскими связями, развивавшимися без заметного участия скандинавов. Только в самом конце первой четверти IX в. появляются скандинавские клады куфических монет, сколько-нибудь значительные в количественном отношении.

Обращение к археологическому материалу показывает, что единственным на территории Восточной Европы вещественным свидетельством балтийских связей в течение длительного времени являются находки янтаря и янтарных изделий, причем Русь имела и свой янтарь[191]. Очень уж трудно поверить, что исключительное по своей мощности передвижение масс серебра из мусульманских стран на территорию Европы было вызвано лишь особой привязанностью восточнославянских женщин к янтарным украшениям Запада. Первопричиной восточной торговли была потребность населения Восточной Европы в серебряной монете и серебряном сырье и арабских купцов – в продуктах славянских промыслов. Частичный транзит серебра в Западную Европу является уже производным от этой основной причины.

Клады конца VIII – первой трети IX в., обнаруженные на территории Восточной Европы, неравноценны по своим данным. 17 из них[192] сохранились достаточно полно

---

[185] Там же. С. 78. № 142.

[186] Там же. С. 91. № 25.

[187] Там же. С. 125–129. № 35, 36, 31, 39, 47.

[188] Там же. С. 110–111. № 6, 4, 5.

[189] Там же. С. 111–115. № 11, 2, 17.

[190] Там же. С. 133. № 15.

[191] Рыбаков Б. А. Ремесло. С. 161.

[192] Старая Ладога, 786 г. (Марков. Топография… С. 140. № 24); Кривянская, 806 г. (Там же. С. 137. № 8); Княщино, 808 г. (Там же. С. 32–33. № 179–181; СГАИМК. I. С. 291. № 38 – см.: Фасмер Р. Р. Завалишинский клад. С. 19; все княщинские находки, как и неучтенная Фасмером находка 1884 г. – Марков. С. 140. № 26, по-видимому, являются частями одного клада); Завалишино, 810 г. (Фасмер Р. Р. Завалишинский клад); Нижняя Сыроватка, 813 г. (Марков. С. 52. № 301); Угодит, 813 г. (ФасмерР. Р. Два клада); Могилев, 815 г. (Марков. С. 25. № 139, 141); Минская губ., 816 г. (Там же. С. 24. № 136); Лапотково, 817 г. (Там же. С. 49. № 281); Борки, 817 г. (Там же. С. 40. № 225); Ярыловичи, 821 г. (Там же. С. 50–51. № 290); Элмед, 821 г. (СГАИМК. I. С. 289. № 12); Литвиновичи, 824 г. (клад, найденный в августе 1954 г. близ д. Литвиновичи Кормянского р-на Гомельской обл. БССР; всего из состава этого клада в ГИМ была прислана 41 монета, из них 40 аббасидских и 1 тахиридская; младшая – 824 г. – см. табл. I); Демянск, 825 г. (Марков. С. 28. № 154); Углич, 829 г. (Там же. С. 54–55. № 314; Фасмер. Новгородский клад ИРАИМК. IV); Сарское городище, 820-е гг. (Марков. С. 54. № 313. У Маркова клад неверно датирован 854 г., так как в его состав отнесена монета указанного года, найденная вне клада, – см.: Эдинг Д. Сарское городище. С. 13); Загородье, 831 г. (Марков. С. 47. № 267; С. 141. № 31; СГАИМК. I. С. 290. № 20).

для того, чтобы можно было датировать их внутри рассматриваемого периода. Остальные восемь, сохранившиеся частично или представленные только отдельными экземплярами монет[193], поддаются лишь суммарной датировке первой третью IX в. Учет таких кладов важен для выяснения ареала монетного обращения и для наблюдений над его изменениями в последующие периоды, однако они почти ничего не дают для изучения состава денежного обращения. В основных выводах можно опереться только на хорошо сохранившиеся клады. Сведения о династическом составе известны по 17 кладам (табл. II), при этом в 11 случаях удалось произвести и подсчет процентного отношения монет различных династий. Подсчет монет по хронологии их чеканки удалось проделать в 10 случаях (табл. I).

Как показывает таблица династического состава кладов, клады рассматриваемого периода содержат в своем составе монеты 8 династических групп: аббасидские, омейядские, тахиридские, идри-сидские, губернаторов Тудги, испанских Омейядов, испегбедские[194] и сасанидские. 6 групп объединяются общностью обычного «куфического» типа восточных монет, но сасанидские и испегбедские принадлежат к весьма отличному, так называемому «сасанидскому» типу.

Монеты сасанидского типа в кладах занимают значительное место. Они обнаружены в 11 кладах из 17 и составляют в них до 10–20 % всего состава. В Княщинском кладе 808 г. их насчитывается 34,41 %, а в Могилевском кладе 815 г., содержащем около 2000 монет, они составляют даже подавляющее большинство. Однако последний случай является совершенно исключительным, хотя и подтверждающим наличие в обращении значительной массы монет сасанидского типа.

Обычно подавляющее большинство монет в кладах начального периода обращения дирхема составляют куфические монеты. Во всех кладах, исключая Княщинский и Могилевский, их было не менее 80 % всех монет. Старо-Ладожский клад из Минской губ., Элмедский, Литвиновичский и, по-видимому, Загородьевский клады состояли исключительно из куфических монет, причем подавляющее их большинство (в некоторых случаях 100 %) составляют дирхемы Аббасидов, а более скромное место занимают более ранние дирхемы Омейядов. Из монет остальных династий, входящих в клады в качестве незначительной примеси, более или менее постоянно присутствуют монеты Идрисидов и губернаторов Тудги.

Существенной и неповторимой особенностью состава куфической части кладов конца VIII – первой трети IX в. является преобладание монет африканской чеканки (значительная часть аббасидских монет и только что названные монеты Идрисидов и губернаторов Тудги). Эта особенность, отмеченная Р. Р. Фасмером как формальный признак кладов рассматриваемого периода, имела очень большое значение для формирования системы русского денежного счета.

Подсчет в кладах отношения числа африканских монет к сумме всех монет можно представить в виде таблички, в которой для сравнения показано такое же отношение числа монет второй по количеству (для рассматриваемого времени) территориальной группы куфических монет – дирхемов, чеканенных в Ираке:

В большинстве случаев процент африканских монет в кладах начального периода обращения дирхема значителен; в некоторых кладах они составляют большинство. Обра-

[193] Паристовский хутор (СГАИМК. II. С. 289–290. № 24); Лелеки (Марков. Топография… С. 6. № 32; СГАИМК. I. С. 290. № 17); Вылеги (Марков. С. 28. № 152); Юрьев (Там же. С. 20. № 113); Семенов Городок (Там же. С. 46. № 263, 265; но упомянутая в обоих сообщениях позже поступившая саманидская монета X в. не может принадлежать к этому кладу); Набатово (СГАИМК. II. С. 292. № 41); Баскач (Корзухина. Русские клады. № 7); Скопинскийу. (Черепнин. Значение кладов с куфическими монетами. С. 5).

[194] Вместе с монетами испегбедов во всех случаях подсчитаны монеты халифских наместников Персии. Они имеют одинаковый с испегбедскими тип и в старых описаниях часто не выделялись.

щает на себя внимание резкое уменьшение количества таких монет уже в кладах середины 20-х гг. IX в.

Клады	Процент монет	
	африканских	иракских
Ст. Ладога, 786 г.	25,80	64,51
Кривянская, 806 г.	58,53	19,28
Княщино, 808 г.	21,96	18,28
Завалишино, 810 г.	38,46	21,16
Угодичи, 813 г.	49,59	23,62
Н. Сыроватка, 8 3г.	52,92	13,10
Могилев, 815 г.	большинство куфических монет – африканские	?
Лапотково, 817 г.	19,35	?
Ярыловичи, 821 г.	50,53	20,35
Элмед, 821 г.	39,33	28,66
Литвиновичи, 824 г.	–	64,10
Углич, 829 г.	7,00	20,69

Суммируя наблюдения над составом кладов по месту чеканки их монет, можно назвать следующие основные группы монет: 1) монеты африканской чеканки – количественно определяющая группа; 2) азиатские монеты Аббасидов; 3) омейядские монеты; 4) монеты Испегбедов; 5) монеты Сасанидов.

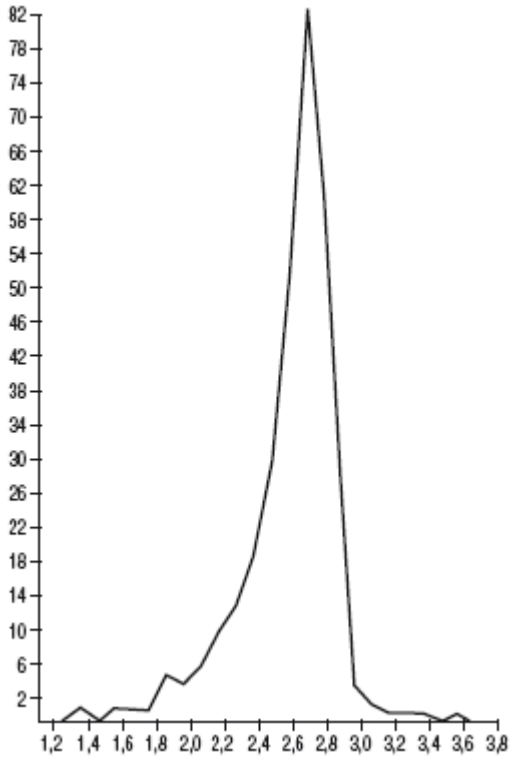

Рис. 6. Весовая диаграмма дирхемов африканской чеканки 759–826 гг. (Аббасиды, Идрисиды). По 325 экз. коллекций Эрмитажа и Харьковского музея; последние по книге Р. Шерцля «Описание медалей и монет, хранящихся в нумизматическом кабинете Харьковского университета», III, Восточные монеты. Харьков, 1912

Рассмотрение хронологического состава кладов первой трети IX в. обнаруживает существенную особенность, присущую только им. Она состоит в том, что почти в каждом кладе встречается немного монет первых годов, или 10-х, или 20-х, или 30-х гг. VIII в. Хро-

нология монетного состава этой «древнейшей» части кладов скачкообразна. Такой особенности клады более позднего времени не знают. Приведенное наблюдение дает возможность говорить о том, что сам состав монетного обращения стран Востока, откуда поступал весь поток смешанных в хронологическом отношении монет, был в VIII и начале IX в. более пестрым, нежели в последующее время. В денежном обращении, имевшем дело в основном с новой монетой, участвовало и большое количество более ранних монет, отсев которых был сравнительно замедленным, что вполне объяснимо. До конца VIII в. восточная монета обращалась только в пределах восточных рынков. Установление связей с Восточной Европой привело к мощному отливу серебра на север, что резко активизировало процесс обновления и освобождения от старой монеты состава монетного обращения на родине дирхема.

Рассмотрим метрологические особенности названных выше пяти основных групп монет, представленных в кладах начального периода обращения дирхема в Восточной Европе.

1. Дирхемы африканской чеканки. Для изучения метрологических особенностей монет этой группы были привлечены весовые данные аббасидских (до конца первой четверти IX в.), идри-сидских (790–826 гг.) монет, а также монет губернаторов Тудги того же времени из коллекций Эрмитажа и Харьковского музея[195]. В общей сложности имеются данные о весе 325 монет. Из этого количества 225 монет показали вес 2,5–2,9 г, в том числе 144 монеты имеют вес 2,6–2,8 г; остальные 100 расширяют амплитуду колебания весовой нормы главным образом в сторону более легковесных монет (потертые, дефектные и обрезанные экземпляры) (рис. 6). Весовая норма монет африканской чеканки заключена между 2,7 и 2,8 г.

2. Аббасидские дирхемы азиатской чеканки. Метрология азиатского чекана Аббасидов кончая первой третью IX в. изучена по данным коллекции Эрмитажа. Весовая норма этих монет оказалась чрезвычайно выдержанной на всем протяжении второй половины VIII в. и первой трети IX в. Результаты взвешивания монет представлены на четырех диаграммах (по периодам чеканки): из 219 монет Саффаха и Мансура (750–775 гг.) вес 190 дирхемов ограничивается в пределах 2,7–3,0 г при норме 2,8–2,9 г (рис. 7);

из 183 монет Махди и Хади (775–787 гг.) вес 161 ограничен в пределах 2,6–3,0 г при норме 2,8–2,9 г (рис. 8);

из 415 монет Харуна (787–809 гг.) вес от 2,7 до 3,0 г имеют 304 экземпляра при норме 2,8–2,9 г (рис. 9);

наконец, из 397 монет Амина и Мамуна (809–833 гг.) тот же вес имеют 304 экз. при той же норме 2,8–2,9 г (рис. 10).

[195] Здесь и в дальнейшем использованы разобранные эрмитажные коллекции, описания которых содержатся в инвентарных книгах Отдела нумизматики Гос. Эрмитажа. Матлы харьковской коллекции излагаются по книге Р. Шерцля «Описание медалей и монет, хранящихся в нумизматическом кабинете Харьковского университета», III, Восточные монеты. Харьков, 1912.

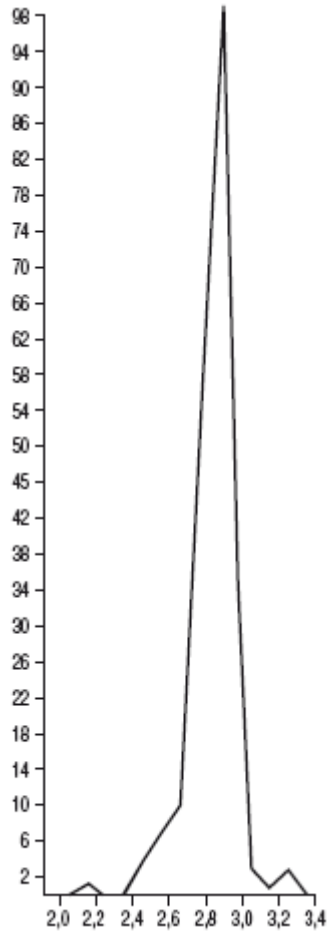

Рис. 7. Весовая диаграмма дирхемов азиатского чекана халифов Саффаха и Мансура (750–775 гг.). По 219 экз. коллекции Эрмитажа

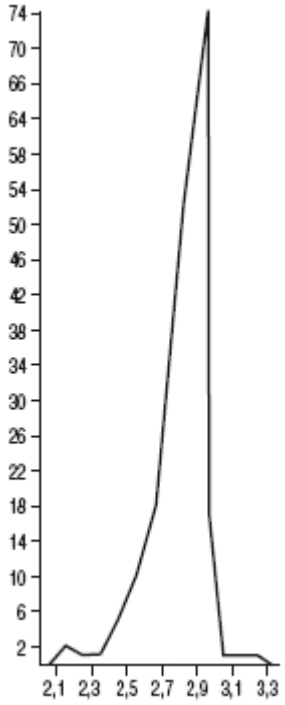

Рис. 8. Весовая диаграмма дирхемов азиатского чекана халифов Махди и Хади (775–787 гг.). По 183 экз. коллекции Эрмитажа

Большинство остальных монет во всех четырех группах составляют потертые и дефектные экземпляры.

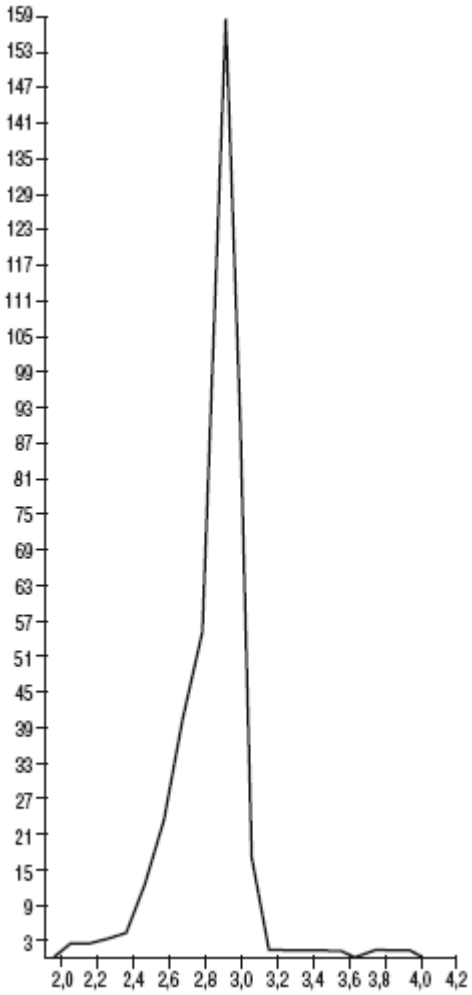

Рис. 9. Весовая диаграмма дирхемов азиатского чекана халифа Харуна (787–809 гг.). По 415 экз. коллекции Эрмитажа

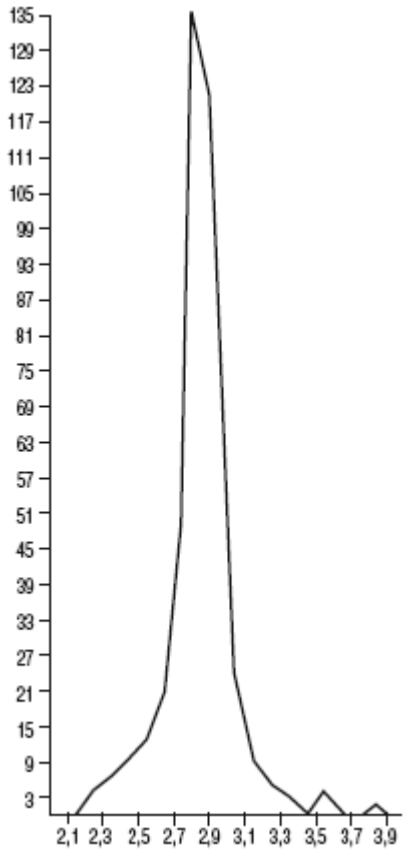

Рис. 10. Весовая диаграмма дирхемов халифов Амина и Мамуна (809–833 гг.). По 397 экз. коллекции Эрмитажа

Весовая норма всех аббасидских монет, чеканенных в рассматриваемое время в азиатских центрах Халифата, остается неизменной. Она заключена в пределах 2,8–2,9 г. Эта норма на 0,1 г превышает установленную выше норму африканских монет. Небольшое расхождение обеих выведенных норм достаточно наглядно показано на диаграмме весового состава Элмедского клада 821 г. (рис. 11).

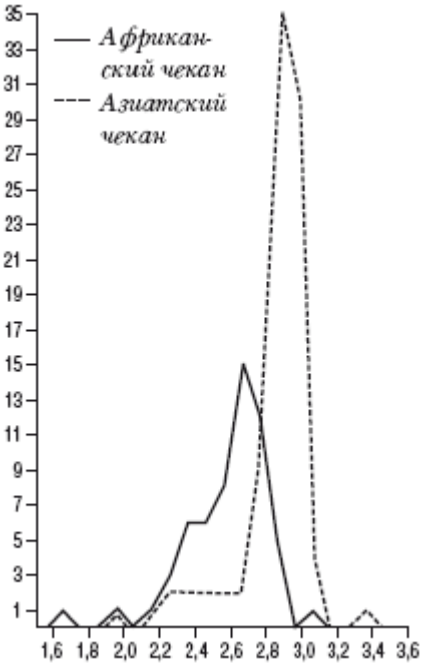

Рис. 11. Соотношение веса дирхемов африканской и азиатской чеканки в Элмедском кладе 821 г. (150 экз., Эрмитаж)

3. Омейядские дирхемы. Весовые особенности омейядского чекана, осуществлявшегося до 750 г. (прекращение династии), изучены по коллекции Эрмитажа, насчитывающей 387 экз. интересующих нас монет. Из этого количества вес 320 дирхемов колеблется между 2,5 и 3,0 г, а из числа последних 253 экз. имеют вес 2,6–2,9 г. Остальные монеты в основном более легковесны (потертые, дефектные). Обычная норма омейядских монет заключена в пределах 2,7–2,9 г (рис. 12).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.